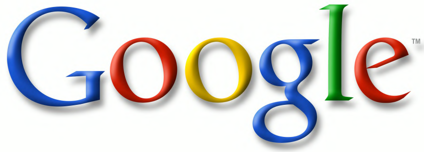
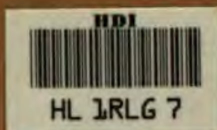

A 7

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

ЛЕКЦІИ

ПО ИСТОРІИ ПОЛИЦЕЙСКАГО ПРАВА

И

ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Читанныя въ Археологическомъ Институтѣ въ 1881, 1882 и 1883 годахъ профессоромъ И. Андреевскимъ.

Составленныя и изданныя слушателемъ Археологическаго Института

Д. Волковымъ.

1883 года

Типографія В. Граціанскаго, Невскій пр., д. № 46.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Дозволено цензурою. Спб. 15 сентября 1883 г.

ОТНОШЕНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА КЪ СТРОИТЕЛЬНОМУ ДѢЛУ ВЪ РОССІИ ВЪ КОНЦѢ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА.

(Первые зачатки строительной полиціи).

ЛЕКЦІЯ I.

Милостивые государи! Обратите вниманіе на Государство и строительное дѣло. Если при постройкѣ зданій мы теперь встрѣчаемся съ цѣлой системой, съ цѣлой организаціей строительной полиціи, которая въ настоящее время представляетъ административное цѣлое, имѣющее своихъ органовъ и дѣйствующее на основаніи точныхъ законовъ, то все это систематическое цѣлое создалось не вдругъ, слагалось постепенно—имѣетъ свою исторію. Сознаваемая теперь задача, законодательства и органовъ строительной полиціи есть разрѣшеніе размолвокъ между архитектурою, владѣльцами и санитарами, которые иногда прибѣгаютъ къ суду. Такія воззрѣнія на общественныя зданія родились еще въ древнемъ мірѣ у Грековъ и Римлянъ, но тихо развивались, по мѣрѣ же общественнаго развитія болѣе и болѣе пріобрѣтали общественныя права и перешли къ новымъ народамъ въ Европу. Когда же люди, понимающіе дѣло архитектуры, воспользовались всѣми опытами различныхъ органовъ строительнаго дѣла, когда развитіе естественныхъ наукъ, въ особенности медицины, требующей, чтобы зданія соотвѣтствовали гигіеническимъ условіямъ и были бы удобны въ санитарномъ отношеніи, тогда стала образовываться строительная полиція, какъ административное учрежденіе, цѣль котораго есть стремленіе обезпечить общество постройками: прочными, красивыми и удобными въ санитарномъ отношеніи. А какъ помѣщенія вліяютъ на умственную, физическую и экономическую жизнь на-

рода, то это учрежденіе получило право ограничивать частныхъ людей, т. е. отдѣльныхъ лицъ, во имя общаго права тѣмъ, что никому не даетъ воздвигать построекъ безъ архитектора и указываетъ способы ограниченія правъ личности, создавая самостоятельныя функціи строительнаго надзора, который правительство беретъ на себя. Постепенность въ развитіи строительнаго дѣла даетъ возможность подмѣтить, какъ создавались два существенныя положенія: 1) зданія, какъ отдѣльныя, такъ и совокупность ихъ въ государствѣ до образованія новѣйшей строительной полиціи, имѣли тѣ же самые роды вліянія, что и теперь: помѣщенія всегда вліяли на ихъ обитателей физически, умственно и эстетически, вліяли на степень народнаго богатства и силы самаго народа. 2) На всю строительную часть, до образованія строительной полиціи, всегда имѣла вліяніе церковь, община, правители общинъ, отдѣльныя лица и люди изъ богатѣйшихъ классовъ. Они по своему сознавали и развивали строительное дѣло, объясняя и указывая, какъ пользоваться руками рабочихъ, матеріалами и какъ приспособлять постройку къ жизни. Эти сочетанія объясняютъ очень многое по обезпеченію строительнаго дѣла. Послѣдствія этихъ вліяній представляютъ чрезвычайно разнообразные результаты. Чѣмъ вліятельнѣе было развитіе во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ и результаты знаній были богаче. У насъ строительной полиціи еще не существовало, когда она уже, и возникла на западѣ и стала получать громадное развитіе. Причиною отсталости Россіи въ этомъ отношеніи было то, что развитіе, быстро двигавшееся до XIV вѣка, потомъ пріостановилось или, лучше сказать, подавлено цѣлымъ рядомъ скопившихся неблагопріятныхъ условій. Остановимся на нѣсколько минутъ на періодѣ свободнаго вѣчеваго устройства. Въ вѣчевомъ строѣ вліянія и обстоятельства вызываютъ изученіе строительнаго дѣла. Два положенія очень важныя по своей сущности.

1-е положеніе.

Во времена вѣчеваго устройства по русскимъ городамъ, которые представляютъ центры общественной жизни, живутъ свѣдущіе люди—мастера. Въ Новгородѣ существовала цѣлая улица мастеровъ. Два конца занимали гончары и плотники; первые производили гончарныя произведенія и, между прочимъ, изразцы (напр. голландскіе, очень цѣнимые, русскіе изразцы, какъ самые лучшіе), которые славились заграницей. Плотники строили дома и мосты

(такъ свидѣтельствуетъ уставъ о мостахъ въ Новгородѣ, гдѣ сказано, сколько кто отправляетъ повинности мощенія). Какъ только рушился вѣчевой строй, мастера расходятся по селамъ, и московское правительство добровольно не можетъ призвать работать для своихъ цѣлей, и поэтому стало требовать ихъ, а въ случаѣ неявки—налагало на нихъ штрафъ; но видя, что и это не помогаетъ, Москва стала требовать заложниковъ. Несмотря на репрессивныя мѣры, мастера неохотно шли работать въ Москву, потому что правительство дешевле платило чѣмъ частныя лица, нужно было находиться подъ вѣдѣніемъ иноземцевъ, чего русскіе мастера не любили. Въ XVII столѣтіи гончаровъ не встрѣчается, а также нѣтъ хорошихъ домовъ и печей, какіе прежде строили. Народъ отказывается отъ этого удобства, чтобъ не обратить вниманія правительства богатствомъ своего помѣщенія и не платить излишнихъ податей. Нужно замѣтить, что московское государство, т. е. правительство, всегда нуждалось въ деньгахъ и, при всякомъ крайнемъ случаѣ, увеличивало налоги, въ особенности на тѣхъ, у которыхъ дома лучше. Если правительству нужны были деньги, то оно созывало и земскіе соборы, на которыхъ большинство были лица, не платящія податей, и духовенство. (Современный публицистъ Котошихинъ говоритъ: «если кто построитъ хорошій домъ, тотъ непремѣнно раззорится»). Въ то время всякій старался скрыть свое богатство и довольствовался вмѣсто хорошаго дома съ изразцовой печью, плохой избой, съ печью, изъ которой дымъ идетъ въ окно.

2-е положеніе.

Развитію строительнаго дѣла въ вѣчевой періодъ способствовало то, что во всѣ русскіе города могли безъ спроса пріѣзжать иноземцы и строить для себя дома и церкви по своимъ проэктамъ. Они привозили съ собой планы, фасады и проч. и по нимъ поручали строить русскимъ мастерамъ. Изъ этого видно то, что гдѣ славянскіе принципы свободны, тамъ процвѣтаетъ промышленность, напр. въ Новгородѣ, Псковѣ до XV вѣка и въ западныхъ городахъ. Въ Новгородѣ существовали такъ называемые дворы: Варяжскій, Готскій и Нѣмецкій. Дворы суть продукты ассоціаціи купцовъ, которые вели торговлю въ Европѣ. Подобныя ассоціаціи имѣли чисто общественный характеръ, а не государственный.

Въ вѣчевомъ періодѣ иностранные ремесленники, которые на

основанiи общихъ началъ русскаго права были свободно допущены въ Россiю, внесли много своего собственнаго въ русскую жизнь, и ихъ свѣдѣнiя смѣшались и соединились съ тѣмъ, чѣмъ владѣли сами русскiе мастера. Эти-то свѣдущiе и нѣсколько уже понимавшiе научную сторону иностранные ремесленники, въ вѣчевомъ перiодѣ прiѣхавшiе въ Россiю, и представляются важными въ смыслѣ метода по строительной части въ государствѣ тѣхъ новыхъ общественныхъ построекъ, въ которыхъ начали сознавать необходимость, именно—храмы. Здѣсь мы встрѣчаемся съ историческими данными, которыя не представляютъ никакихъ сомнѣнiй. Иностранные ремесленники прежде всего начали появляться изъ Византiи, откуда сами ушли, потому что русскiе князья принимали ихъ весьма хорошо. Мы не мало видимъ свидѣтельствъ, что уже при Ярославѣ, послѣ того, какъ пришла первая партiя рабочихъ изъ Византiи,—оттуда же явилась партiя иконописцевъ. Разъ пришедши въ Россiю и нашедши спросъ на свою работу, они протоптали себѣ прочную тропинку, по которой постоянно и весьма долго шли изъ Византiи. Но не изъ одной Византiи идутъ въ Россiю ремесленники и изъ другихъ мѣстъ стали подвигаться: такъ при Андреѣ Боголюбскомъ, когда онъ началъ строить церковь Св. Богородицы во Владимiрѣ, лѣтописецъ дѣлаетъ такое замѣчанiе: «по вѣрѣ его и по достоянiю къ Святѣй Богородицы, приведе ему Богъ изъ всѣхъ земель мастеры». Въ исторiи постройки храмовъ, въ дѣлѣ стиля и отдѣлки деталей представляетъ большой интересъ смѣшенiе иноземныхъ мастеровъ съ русскими. Это смѣшенiе замѣчается въ расположенiи храмовъ и въ самомъ ихъ стилѣ; и византiйскiй стиль начинаетъ дѣлаться господствующимъ. Въ концѣ XII столѣтiя, иноземные мастера, принесшiе свои замыслы строительнаго дѣла, столкнулись уже съ русскими самостоятельными мастерами. Это видно изъ указанiя Никоновской лѣтописи. Въ 1194 году нашлись въ первый разъ самостоятельные русскiе мастера, на которыхъ смотрѣли, какъ на чудо. Случилось это такимъ образомъ. Епископъ Iоаннъ искалъ для возобновленiя церкви Пресвятой Богородицы, какъ обыкновенно, мастеровъ изъ Грековъ или изъ нѣмцевъ и былъ изумленъ, нашедши русскаго мастера. Можетъ быть, и раньше появлялись самостоятельные русскiе мастера, но выраженiе, которое употребилъ лѣтописецъ, заставляетъ думать, что раньше ихъ не знали. «Иже бысть дивно чудо Пречистою Богородицею и Ею вѣрою, иже ище мастеровъ отъ Нѣмецъ, и обрете ихъ отработныхъ въ своей епископѣ и ото

иныхъ своихъ...», т. е. собственно русскихъ мастеровъ, которые могли бы совершить существенную перестройку храма. Слѣдовательно такіе строители въ Россіи были. Кромѣ того, были русскіе мастера на разныя вещи для церкви и много такихъ: это видно, что на разныхъ вещахъ того времени, напр., на колоколахъ, которые начали отливаться русскими мастерами, были поставлены имена мастеровъ. Въ XIV столѣтіи, при великомъ князѣ Семіонѣ Іоанновичѣ Московскомъ, были слиты три колокола мастеромъ Борисомъ, который поставилъ на этихъ колоколахъ свое имя. Въ Московскомъ періодѣ мастера шли уже изъ разныхъ странъ, и вотъ здѣсь является столкновеніе различныхъ мастеровъ по части строительнаго дѣла. Это столкновеніе нѣмецкихъ мастеровъ въ Литовской Руси, встрѣтившихся съ византійскими. Сѣверная Русь болѣе дорожила мастерами германскими, а Южная—византійскими. Въ Литовскую Русь нѣмецкіе мастера шли по особеннымъ обстоятельствамъ въ большомъ количествѣ: Литовская и Западная Русь долго, до самыхъ новыхъ пріемовъ русскаго строительнаго дѣла и даже при Петрѣ I, держались методовъ и принциповъ нѣмецкаго искусства; и вотъ являются моменты столкновенія работъ и принциповъ нѣмецкихъ мастеровъ съ мастерами византійскими. Въ какомъ же положеніи были эти разнообразные мастера, которые являлись изъ разныхъ государствъ, въ какомъ отношеніи они находились къ русскимъ мастерамъ? Это вопросъ чрезвычайной важности, потому что русскіе мастера, которыхъ было много въ вѣчевомъ періодѣ по городамъ и селамъ, жили на своемъ чисто русскомъ принципѣ, который замѣтно отразился въ дѣлѣ строительнаго искусства, въ дѣлѣ передачи свѣдѣній и метода. Пріемъ работъ былъ исключительно русскій, который только въ новѣйшее время поразилъ этою особенностію изслѣдовавшихъ его ученыхъ и который не былъ извѣстенъ, потому что славянскія страны, относительно этой части мастерства и законодательства, до сихъ поръ недостаточно изслѣдованы, хотя нужно думать, что русскіе принципы существовали издавна, а именно, что русскій мастеръ своихъ свѣдѣній въ секретѣ не держитъ и передаетъ молодцу, который, работая вмѣстѣ съ нимъ въ артели, исподоволь дѣлу научается. Это чисто русское начало весьма замѣчательное, которое сохранилось, когда русскіе мастера разбѣжались, а разбѣжались они съ погрома московскаго, заставившаго всѣхъ русскихъ мастеровъ разбѣжаться изъ городовъ по селамъ и деревнямъ. Въ московскомъ періодѣ мы встрѣчаемъ этотъ застарѣлый обычай, сохранявшійся

мастерами, выходившими изъ селъ на городскія работы, обычай, по которому люди, желавшіе сдѣлаться мастерами, знать тоже, что и другіе, просятъ взять ихъ съ собой на работу. Мастеръ беретъ, и, такимъ образомъ, образуется артель и поступившій въ нее подчиняется старшимъ или дядямъ въ артели. Это начало и столь стойкое, что встрѣчается и до сихъ поръ. Напримѣръ, современные архитекторы въ Россіи по необходимости съ нимъ считаются, хотя оно и представляетъ нѣкоторыя невыгоды и въ денежномъ отношеніи, и въ самомъ искусствѣ, но такъ велико оно и такъ важно, что передъ нимъ нельзя не преклониться.

Поступившій въ артель плотникъ, ничего еще незнающій, идетъ за мастера. Если артельщикъ или дядя его принялъ, то онъ за него и отвѣчаетъ, и на работахъ, если окажется какая-нибудь неточность, дядя за него сдѣлаетъ, гдѣ надо. Съ этой невыгодностью можно помириться въ виду того, что безъ всякихъ школъ и затрудненій человѣкъ дѣлается мастеромъ. Это русское начало, съ которымъ должны были столкнуться нѣмецкіе мастера, у которыхъ было совсѣмъ другое начало; они прежде всего принимали въ ученье на года; учитель отвѣчалъ за ученика и не выпускалъ его на работу, прежде чѣмъ онъ опредѣленное число лѣтъ не пробылъ мальчикомъ, потомъ подмастерьемъ, и тогда только его возводили въ степень мастера. Начало, которое принесли къ намъ иностранцы въ вѣчевомъ періодѣ, очень любопытно. Русскіе его приняли; «и отчего не поучиться!» Но поступать къ нимъ въ постоянное обученіе не пожелали, разсуждая весьма наивно, по свойству русскаго человѣка, «что за мудрость, онъ дѣлаетъ и мы поймемъ». И дѣйствительно, такимъ образомъ, перенимали многое, но когда московское правительство стало нуждаться въ разныхъ мастерахъ, оно потребовало, чтобы русскіе пошли въ ученье по разнымъ спеціальнымъ промысламъ. Любопытно то обстоятельство, что иностранные мастера, появившіеся на Руси, никакихъ затрудненій со стороны русскихъ мастеровъ не встрѣчали. Русскіе мастера не боялись конкуренціи иностранныхъ, и не видно ни одного случая, чтобы русскіе мастера были недовольны появленіемъ иностранныхъ, Напротивъ, есть указаніе, что русскія артели брали на себя работу вмѣстѣ съ иностранцами. Это явленіе объясняется чисто бытовымъ складомъ: русскіе чрезвычайно гуманно относились къ иноземцамъ, какъ къ торговымъ людямъ, какъ и къ представителямъ религіи. Всѣ двери были для нихъ раскрыты. Но нельзя не удивляться, что русскія артели берутъ постройки вмѣстѣ съ иноземцами. Въ городѣ Псковѣ мы

видимъ очень любопытное обстоятельство: русскій мастеръ Ѳеодоръ, въ началѣ XV столѣтія, взялъ подрядъ обить свинцомъ церковь Св. Троицы, но справиться съ этимъ дѣломъ не могъ и обратился къ иностраннымъ мастерамъ: не согласятся ли они помочь ему въ этомъ дѣлѣ? Иноземные мастера, находящіеся во Псковѣ, не могли ничего сдѣлать. Очевидно, затрудненія представлялись какія-нибудь неустранимыя. Тогда Ѳеодоръ обратился къ владыкѣ, не найдетъ ли онъ мастера, который могъ бы справиться съ дѣломъ. Митрополитъ Фотій прислалъ изъ Москвы иноземнаго мастера, который, научивъ Ѳеодора, какъ поступить въ этомъ дѣлѣ, уѣхалъ обратно въ Москву. Такимъ образомъ оказывается, что русскіе мастера не чуждались иноземныхъ и охотно пользовались ихъ знаніями. Иностраннымъ мастерамъ грозила опасность съ появленіемъ на Руси монголовъ, исторія которыхъ начинаетъ разработываться только теперь; но весьма интересно то, что монголы относились къ людямъ науки и искусства съ уваженіемъ и по своему религіозному представленію считали ихъ людьми, и осѣненными свыше, и потому всѣхъ ихъ признавали за людей церковныхъ; и всякаго рода мастера и въ томъ числѣ и мастера, участвовавшіе въ постройкахъ, подходили прямо подъ понятіе такихъ людей, которые подъ ярлыки попадали. Ханскіе ярлыки представляютъ очень любопытное явленіе въ монгольской исторіи. У насъ сохранилось семь ярлыковъ, и изъ нихъ седьмой представляетъ только подорожную. Слово ярлыкъ значитъ «слово старшаго къ младшему», т. е. приказаніе. Ярлыкъ заключаетъ въ себѣ ханское приказаніе монгольскимъ чиновникамъ. Монгольскіе чиновники на Руси назывались дорогами и раздѣлялись на нѣсколько степеней: на большія, улусныя дороги и т. д. Въ ярлыкахъ указывалось, кого чиновники могутъ трогать и привлекать къ податямъ и повинностямъ. Въ этихъ же ярлыкахъ сказано: «А что будутъ церковные люди, ремесленники кои или писцы, или каменны здатели, или дровяные или иные мастеры, каковы ни буди, а въ то наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ». Слѣдовательно, мастера подошли подъ полную привиллегію церковныхъ людей и вслѣдствіе этого приливъ иностранныхъ мастеровъ не уменьшался во время монгольскаго ига. Монголы и у себя обыкновенно, цѣнили свѣдущихъ людей и въ особенности строителей. Европейскіе путешественники, которые попадали въ степи монгольскаго хана, разсказываютъ, что они были поражены встрѣтивши тамъ всякаго рода мастеровъ. Эти извѣстія совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣлали монголы и въ Россіи. «Мастера трогать

нельзя». По восточной теологіи и восточной исторіи всѣ изслѣдованія привели къ тому, что монголы людей церковныхъ, свѣдущихъ и мастеровъ дѣйствительно облекали такими привиллегіями въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній. Мастеръ—избранное лицо, Богомъ хранимое, если его тронуть, то Богъ накажетъ монгола. Вотъ воззрѣнія, которыя у нихъ были, и которыми объясняется та масса привиллегій и названіе мастеровъ людьми церковными. «Отъ мастера никакого зла быть не можетъ, а только добро: мастеръ сдѣлаетъ то, что другой сдѣлать не можетъ».

Такимъ образомъ оказывается, что въ данномъ случаѣ монголы опередили даже Европу. Въ Европѣ на знающихъ людей, людей разума, долго смотрѣли подозрительно; не заключается-ли въ нихъ какая-нибудь опасность въ политическомъ отношеніи и только мало по-малу ихъ стали тамъ признавать за руководителей жизни. Тѣмъ обстоятельствомъ, что монголы покровительствовали свѣдущимъ людямъ, исторія объясняетъ то явленіе, что у насъ этихъ иностранныхъ мастеровъ было очень много, и что они важны были въ дѣлѣ построекъ, въ дѣлѣ фресокъ и художественнаго иконописанія на стѣнахъ, что чрезвычайно нравилось русскимъ, которые стали у нихъ обучаться. Самыя уродливыя произведенія въ первыхъ нашихъ церквахъ являлись въ дѣлѣ византійцевъ. Напримѣръ, во времена великаго князя Всеволода Ярославича. Св. Алимпій, бывшій потомъ инокомъ печерскимъ, въ юности былъ посланъ родителями въ обученіе къ греческимъ иконописцамъ и потомъ этою живописью занимался не только самъ, но около него занималось много русскихъ дѣтей. Любопытно то обстоятельство, что къ нѣкоторымъ русскимъ мастерамъ иностранцы поступали въ обученіе, но какъ у насъ не было устроено ничего подобнаго цехамъ, мы видимъ, что русскіе мастера допускали къ себѣ въ дружины иностранцевъ, «если имъ хочется поучиться, какъ русскіе мастера строятъ церкви». И дѣйствительно, русскіе мастера проявляли въ этомъ отношеніи нѣчто изумительное: самые простые разсчеты, а вмѣсто архитектора—люди свѣдущіе въ постройкѣ лѣсовъ. Что русскіе мастера допускали иностранцевъ въ свои дружины, видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ половинѣ XIV столѣтія начали подписывать церковь Св. Спаса на счетъ великой княгини Анастасіи и при этомъ «начальницы быша Рустіи родомъ, и Гречестіи ученицы: Гойтанъ, Семенъ и Иванъ». Это значитъ, русская артель допустила къ себѣ грековъ обучаться у нихъ. Точно также мы видимъ, что иногда подряды беретъ русская артель совмѣстно съ нѣ-

мецкими мастерами. Это значитъ, что если требуется какая-нибудь работа болѣе отчетливая, напримѣръ, по рисунку окна и двери сдѣлать, то русскіе мастера на эту работу одни нейдутъ, а совмѣстно съ иностранными мастерами. Въ лѣтописи есть примѣры: «Въ лѣто 1433 постави преподобный, нарѣченный владыка Емпій въ Новѣгородѣ палату у себя во дворѣ, а дверей у ней 30, а мастеры дѣлали нѣмецкіе изъ-заморья съ новгородскими мастеры купно». Значитъ образовалась артель, новгородскіе мастера сошлись съ нѣмецкими, и взяли на себя подрядъ. Этимъ путемъ многія свѣдѣнія въ дѣлѣ построекъ должны были легко передаваться русскимъ.

Съ того момента, когда стало возвышаться московское государство, когда исчезли наши вѣчевые города, и все стало подчиняться московскимъ порядкамъ, и въ строительномъ дѣлѣ должно было явиться громадное измѣненіе. Этотъ моментъ представляется весьма важнымъ для исторіи полиціи. Извѣстно, что съ московскаго погрома мастера изъ городовъ разбѣжались по деревнямъ и селамъ. Напримѣръ, цѣлыя артели новгородскихъ плотниковъ переселялись въ Архангельскъ и Сибирь. Для Москвы это обстоятельство было чрезвычайно невыгодно, потому что Москва нуждалась въ громадномъ количествѣ мастеровъ для цѣлаго ряда государственныхъ построекъ, которыя рядомъ съ высшими государственными дѣлами вызывали массу мастеровъ. Что же дѣлаетъ Москва? Вплоть до XVIII столѣтія московское правительство представляетъ такое положеніе: «Я, какъ правительство, въ правѣ потребовать на мою казенную работу всѣхъ мастеровъ, какихъ хочу!» Въ московскомъ періодѣ мы видимъ цѣлый рядъ постановленій отъ казны по всѣмъ селамъ и деревнямъ, чтобы къ веснѣ высылали такое-то количество разныхъ мастеровъ: плотниковъ, землекоповъ, каменотесовъ и т. п., а если не пошлютъ, то подвергнутся такимъ то и такимъ-то невыгодамъ. Сначала грозитъ московское правительство: такіе-то города на казенную работу, чтобы непремѣнно стали съ весны». Мастера на работы не являются, потому что артелей достаточно только для частныхъ работъ, для новыхъ казенныхъ построекъ ихъ мало; да казна и платитъ дешевле, чѣмъ частные предприниматели. Поэтому мастера на казенную работу не идутъ, а построекъ очень много. Москва ожидаетъ. Требовалось строить массу городовъ въ смыслѣ остроговъ и укрѣпленій, нужны мастера, но ихъ нѣтъ. Тогда Москва вызываетъ отъ себя иностранныхъ мастеровъ и въ обученье къ нимъ отдаетъ тѣхъ мастеровъ, кото-

рыхъ можетъ нанять въ Москвѣ и по близости. Но вѣдь этого мало для Москвы и для правильнаго вѣдѣнія дѣла построекъ. Исторія московскаго каменнаго приказа и другихъ представляетъ множество примѣровъ вызова иностранныхъ мастеровъ и привлеченія русскихъ учиться у нихъ, но русскіе мастера не идутъ на казенныя постройки и некому учиться у иностранцевъ. Денегъ очень мало. Вотъ почему всѣ московскія постройки очень плохи. Не хватаетъ также и мастеровъ, такъ что большинство казенныхъ построекъ приходилось вести войсками: «такіе-то полки на такія-то работы посланы». Но вѣдь въ полкахъ мастеровъ нѣтъ, но дѣлать нечего, и оттого постройки казенныя каждый годъ разваливаются въ московскомъ періодѣ. И вотъ Москва прибѣгаетъ къ такому средству: «какъ объявятъ, что весною въ такихъ-то городахъ постройка, требовать отъ селъ поручительныхъ записей и брать заложниковъ въ Москву, что такая-то артель, изъ такого-то села явится на казенныя работы. Это въ XVI и XVII столѣтіяхъ дѣйствуетъ какъ система и къ ней прибѣгнулъ Петръ Великій при постройкѣ Петербурга. И отправлялись такіе заложники въ Москву, которые своею личностію отвѣтствовали, что артель изъ ихъ села на весну выступитъ на казенную работу. Вотъ къ какому средству Москва должна была прибѣгнуть; оправдать ее можно: построекъ очень много, цѣлая масса городовъ строится московскимъ правительствомъ и эта масса построекъ касалась всецѣло постройки остроговъ, бойницъ около городовъ и церквей. Такъ какъ русская территорія постоянно расширяется подъ властью Москвы, то средствъ никогда не хватаетъ, и денегъ нѣтъ и мастеровъ нѣтъ. Какъ построиться? Откуда добыть денегъ? И вотъ мы имѣемъ обширнѣйшій матеріалъ въ смыслѣ исторіи нашего архитектурнаго и строительнаго дѣла и въ этомъ отношеніи почти еще не тронутый. Этотъ матеріалъ въ наказахъ воеводскихъ и въ отпискахъ воеводъ и представляетъ онъ цѣлую исторію русскихъ построекъ, которыя свидѣтельствуютъ какъ плохи были постройки въ московскомъ періодѣ, и какія затрудненія онѣ представляли и воеводамъ и мастерамъ. Должность воеводы была временной. Въ вѣчевомъ періодѣ земля княжествъ дѣлилась на намѣстничества и каждое намѣстничество на волостительства. Намѣстникъ исправлялъ всѣ княжескія операціи, но эти намѣстники такъ отдѣлились отъ развившихся интересовъ общества, что между ними и обществомъ явился разладъ. Жители стали приносить жалобы, что намѣстникъ не понимаетъ ничего въ управленіи и управляетъ такъ не удачно, что «мы

лучше будемъ въ казну вносить, минуя Намѣстническую избу». Намѣстники, въ свою очередь, приносили жалобы, что ихъ не слушаютъ и даже бьютъ вмѣсто того, чтобы повиноваться. И вотъ московское правительство рѣшило отставить намѣстниковъ отъ участія въ управленіи; рождалась мысль полнаго самоуправленія въ мѣстностяхъ... «чтобы сами своими дѣлами управляли и сносились бы съ Москвой». Но этотъ планъ былъ теменъ, потому что крѣпостная зависимость прорывалась въ жизнь, и въ виду этого Іоаннъ IV сталъ назначать воеводъ въ главные города, а затѣмъ это временная мѣра сдѣлалась постоянною, и воеводы были посланы во всѣ города. Вотъ эти-то воеводы явились строителями на Руси. О постройкѣ каждаго города, обыкновенно составлялась сказка (нѣкоторыя изъ нихъ сохранились) весьма обстоятельно, потому что рука дьяка составлявшаго эту сказку, всегда поражаетъ точностью, соотвѣтствовавшею перу каждаго дьяка. Воевода долженъ строить городъ, какой-же планъ ему принять? Плана очевидно никакого не существовало. Построить городъ, значитъ построить острогъ, подъ которымъ разумѣлось выстроить такую стѣну, чтобы на стѣнахъ было скрыто оружіе и поставлены пушки того времени, чтобы были ворота, тайники, тайные переходы и колодцы. То-же почти во всѣхъ городахъ того времени, а внутри города, чтобы были церковь и торгъ, потому что иначе торговые люди не идутъ, а безъ нихъ городъ не обойдется. Откуда-же получить средства, чтобы построить такой городъ? Приказывали воеводѣ добыть денегъ. Это особый методъ московскаго правительства. Было такъ, что если въ казнѣ денегъ нѣтъ, то предписывалось воеводѣ по его высмотру и какъ его Богъ вразумитъ достать денегъ. Предлагалось собрать денегъ съ кого можно. Этотъ высмотръ и вразумленіе Божіе выражалось въ томъ, что воевода всегда соберетъ деньги. Если въ московскомъ казначействѣ деньги имѣются, то онѣ высылаются воеводѣ, но неизвѣстно было, сколько нужно денегъ на постройки, и если посланной суммы не хватитъ, то указано было собрать. Въ этомъ отношеніи любопытна грамата. Пермскому воеводѣ: когда строился пермскій острогъ, была послана грамота, чтобы воевода позаботился о всевозможномъ сборѣ денегъ на постройку города «собрать со всѣхъ, съ кого и въ комъ размѣрѣ можетъ». Воеводы-же по своему высмотру собирали деньги и для себя во имя государственной потребности. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и не нужно было строить остроговъ, воеводы по тому же принципу, дѣлали представленіе, что если не построить острога, то

опасность громадная будетъ грозить, и Москва разрѣшаетъ собирать съ кого можно по деньгѣ съ души и построить въ тѣхъ мѣстахъ остроги и города, гдѣ найдетъ воевода необходимымъ. Къ этому нужно присоединить, что города и остроги безпрестанно горѣли, отчасти потому, что обращеніе съ зельемъ было неудачно, отчасти-же отъ непригодности трубъ, которыя при дешевыхъ постройкахъ въ этихъ острогахъ, были очень дурно устроены. Остроги горѣли безпрестанно, ихъ нужно было возобновлять, но не было денегъ и поступали такимъ образомъ. Въ половинѣ XVII столѣтія сгорѣлъ Тобольскій острогъ и тобольскій воевода Шереметьевъ собралъ съ тобольскихъ людей сборъ, чтобы возстановить его, но денегъ не хватило. У тобольскихъ людей уже воевода все забралъ, что можно. Тогда воевода пишетъ къ сосѣднему Тюменьскому воеводѣ: «нельзя ли ему подавить торговыхъ людей, можетъ быть, что нибудь и получитъ; и тюменскій воевода давитъ всѣхъ податныхъ людей. И со всякаго рода тяглыхъ и оброчныхъ людей нашелъ возможнымъ взять съ рубля по 2 алтына и 4 деньги, а съ посадскихъ—немного, сколько доведется взять, потому что это единственный родъ людей, съ которыми считаться трудно — они въ Москву еще сиротскую челобитную пишутъ, и хотя московское правительство запретило писать имъ челобитныя, но они пишутъ и добиваются. Тобольскій острогъ сгорѣлъ, а тюменьскій воевода своихъ давитъ, потому что нечѣмъ острога возобновить, и это обстоятельство дастъ важный матеріалъ строительнаго дѣла на Руси. Каждый воевода на основаніи своего наказа, принявъ воеводство отъ перваго воеводы, обязанъ отписать въ Москву, что онъ принялъ отъ стараго, и въ какомъ положеніи городъ находился. Эти отписки представляютъ любопытный матеріалъ, потому что въ этихъ отпискахъ описаніе цѣлаго города. И почти каждый воевода пишетъ, что всѣ постройки въ городѣ валятся, что необходимо ремонтировать, а денегъ и мастеровъ нѣтъ. Московскіе дьяки, вѣроятно, въ этихъ случаяхъ держались системы отмалчиванія, такъ какъ въ Москвѣ также ни денегъ, ни мастеровъ нѣтъ.

ЛЕКЦІЯ II.

По отношенію къ московскому періоду изъ общихъ только соображеній можно было заключить, что Москва, задумавшая распространить свое владѣніе на новыя земли, встрѣчалась съ весьма сложными обстоятельствами относительно построекъ. Построекъ требовалась такая масса, что можно апріори заключить, что всѣ эти постройки должны были быть весьма плохи. Такое общее заключеніе, поставленное апріористически, подтверждается данными, которыя имѣются о всей совокупности построекъ въ московскомъ періодѣ. Если развернуть исторію того времени, напр. Котошихина, то этотъ свидѣтель даетъ подтвержденіе только что высказаннаго мнѣнія относительно построекъ. «Въ московскомъ государствѣ построенныхъ каменныхъ городовъ, кромѣ монастырей, не больше какъ 20 городовъ, и мало больше», а остальные дѣлали все деревянные, на земляныхъ валахъ или просто на землѣ, «а для войны насыпаютъ тѣ города пескомъ и камнями, а для крѣпости тѣхъ городовъ копаны кругомъ города глубокіе рвы; въ иныхъ рвахъ пущена кругомъ вода». Это общее замѣчаніе прямо подтверждаетъ то апріористическое мнѣніе, которое можно составить о недостаточности и негодности деревянныхъ построекъ московскаго періода сравнительно съ постройками вѣчевыхъ русскихъ городовъ. Но это общее замѣчаніе не представляло бы важности, если бы у насъ подъ руками не было громаднаго и совершенно нетронутаго матеріала, который подтверждаетъ все это. Этотъ матеріалъ заключается въ дѣлахъ воеводскихъ, сохранившихся въ большомъ количествѣ, и представляетъ свидѣтельство того, какъ строились русскіе города, а главное—какъ они чинились, потому что русскіе города постоянно были въ починкѣ и, не смотря на это, все-таки находились въ состояніи развалинъ. Вопросъ постройки и починки казенныхъ зданій — очень интересный вопросъ въ московскомъ періодѣ, потому что гдѣ казенное зданіе строится, а въ

особенности гдѣ оно чинится, тамъ деньги попадаютъ въ частные карманы, а отъ этого самое дѣло казенныхъ построекъ чрезвычайно любопытно.

Отписки воеводъ были разработаны въ нашей литературѣ, но часть строительная и зарождавшаяся въ XVII столѣтіи строительная полиція почти не вызывала до сихъ поръ изслѣдователей. Эта сторона мало кого интересовала, а между тѣмъ въ ней заключаются задатки тѣхъ неустройствъ, которыя мы видимъ и въ XVIII столѣтіи. Воеводскихъ отписокъ цѣлая масса уже напечатана и, кромѣ того, цѣлая масса лежитъ въ разныхъ архивахъ. Отписокъ воеводъ много вотъ по какой причинѣ: воеводы мѣнялись черезъ каждые три года, а мѣнялись они по той причинѣ, что если оставить воеводу на большій срокъ, то онъ въ конецъ разоритъ жителей, да къ тому же надо дать попользоваться и другому, потому что старый принципъ кормленія былъ еще въ полной силѣ. Иностранецъ Флетчеръ дѣлаетъ такое замѣчаніе относительно смѣны воеводъ: «по справедливости каждаго воеводу или, по крайней мѣрѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, нужно было бы подвергать наказанію кнутомъ». Но это дѣлалось весьма рѣдко, хотя, очевидно, дѣлалось. И такъ, черезъ каждые три года воевода смѣнялся; по правилу, каждый новый воевода, когда войдетъ въ городъ, долженъ принять воеводство и городъ со всѣми казенными постройками и отписать въ Москву что онъ принялъ, отсюда такая масса этихъ отписокъ. Но такъ какъ самому воеводѣ не отписать, потому что требовалась точность, то писала таже воеводская изба. Форма отписокъ одна и та же, и по этимъ отпискамъ можно начертить городъ, такъ какъ онѣ писались съ большою точностью. Для примѣра укажу на отписку, которую даетъ воевода Сербинъ о принятіи города Инсары. Эта отписка помѣщена во Временникѣ М. О. И. и Др., Кн. XIV. Эта отписка любопытна въ томъ отношеніи, что на восточной окраинѣ городъ Инсары возбуждалъ необходимость множества казенныхъ построекъ, потому что нужно было защиту ставить въ этомъ городѣ. Въ этой отпискѣ довольно обстоятельно сказано относительно расположенія города. Воевода сначала пишетъ, что онъ принялъ добро казенное, всю юридическую часть воеводской избы; принялъ улаженную печатную книгу, приходныя и расходныя книги, списки служилыхъ людей и Потишскій острогъ. Затѣмъ показано, что онъ принялъ въ городѣ, сколько церквей, хотя церкви онъ и не принималъ, но воеводская изба пишетъ въ точности: «Стоитъ городъ, а за городомъ

соборная церковь во имя Нерукотвореннаго Образа Господня, да въ придѣлѣ Николая Чудотворца. Да другая соборная церковь во имя Пресвятыя Богородицы Казанскія, теплая, построена въ городѣ, а на церкви крышка дубовая, пять главъ, а на главахъ кресты обиты жестью, шестой крестъ надъ алтаремъ обитъ жестью-жъ». Далѣе воевода пишетъ: «Инсара городъ рубленъ во одну стѣну дубовой, крытъ тесомъ, и та крышка вся згнила и отъ вѣтру и отъ ветхости раскрылась, и лѣстницы згнили, обвалились, и мостъ по стѣнѣ весь згнилъ». Любопытно то, что всѣ воеводы пишутъ одно: всѣ стѣны сгнили; выходитъ, что всѣ русскіе города постоянно гнили, то горѣли всѣ, а то гнили. Но воеводѣ нельзя этого не отписать, если онъ напишетъ, что стѣны хороши, то на поправку денегъ не получитъ. Но нужно замѣтить, что деньги на поправку шли, потому что и прежде стѣны гнили и ихъ чинили; куда же дѣвались эти деньги?

Далѣе воевода пишетъ: «По городу восемь башень рублены на четыре угла дубовые, съ чердаками, а на башнѣхъ крышка згнила и во многихъ мѣстѣхъ раскрылась, з дву башень чердаки ото вѣтру свалились, а иные раскрылись, и лѣстницы въ башнѣхъ згнили и опали. Четыре колодезя засорены, а тайникъ згнилъ и обвалился. Да въ городѣ приказная изба на мъшенникѣ съ сѣньми, а въ ней Великихъ Государей дѣлъ книга уложенная, печатна въ 157 году». Значитъ, приказная изба—строеніе самое скромное. Было предположеніе, что въ московскомъ періодѣ присутственныя мѣста строились каменныя, но по отпискамъ воеводскимъ видно, что вездѣ приказныя избы деревянныя, несмотря на то, что онѣ заключали въ себѣ много казеннаго добра; зачѣмъ строить такіе пункты изъ камня, тогда бы въ нихъ всѣ юридическіе акты могли бы сохраниться. Юридическіе акты требуютъ непремѣнно деревяннаго помѣщенія и архива, гдѣ бы они могли когда нужно сгорѣть. И горятъ всѣ эти акты, и мало-по-малу такъ привыкли къ этимъ пожарамъ, что пожары для такихъ архивовъ считались существеннымъ добавленіемъ. Это былъ великій похититель древнихъ актовъ. До сихъ поръ Россія находится въ такихъ же условіяхъ: во многихъ мѣстахъ нѣтъ архивовъ ни юридическихъ, ни историческихъ, только акты самой существенной важности сохранились кое-гдѣ въ избѣ волостнаго правленія. Но развѣ можно сохранять въ избѣ? А почему нельзя,—вѣдь въ Инсарѣ хранились же въ избѣ, даже на мъшеникѣ зданіе рублено. Если сопоставить все это съ исторіею Пскова, который

хранилъ акты за нѣсколько столѣтій и гдѣ постройки были камнемъ обшиты, съ московскимъ періодомъ, гдѣ приказы всѣ деревянные, то окажется, что въ Псковѣ сохранилась цѣлая масса юридическихъ доказательствъ. Вотъ эти-то точныя доказательства въ глазахъ московскихъ дьяковъ и подъячихъ не представлялись особенно нужными, и вотъ почему каменныя постройки были неудобны для московскихъ дьяковъ и подъячихъ.

Далѣе воевода пишетъ: «да въ городѣ-жъ воеводцкой дворъ, а въ немъ строенья, горница съ комнатою, липовыя, на подъ-кистахъ, да горница бѣлая, построена вновь при стольникѣ и воеводѣ Иванѣ Языковѣ, на омшеникѣ. А въ той горницѣ образъ Спаса Нерукотвореннаго, окладъ серебряный, позолоченъ, окончина большая въ красномъ окнѣ, двѣ окончины малыя слюдныя, печь обращатая зеленая, заслонъ желѣзной, дверь на крюкахъ желѣзныхъ. На горницѣ павалуша с полатми, межъ горницы старыя сѣни, на сѣняхъ чердакъ. Мыльная построена вновь при стольникѣ Иванѣ Языковѣ. Три кисти людцкіе, изба приворотняя липовая, поварня, а въ ней печь, ледникъ да погребъ, а на нихъ анбары липовые, конюшня новая, два денника, третій новѣсъ, ворота новые».

Эти подробности въ высшей степени любопытны и важны для исторіи строительнаго дѣла Россіи. Если бы въ то время, при тѣхъ средствамъ, были познанія даже такія, какими владѣли въ Новгородѣ въ XIV столѣтіи, то придумали бы построить приказный дворъ такъ, чтобы интересы государства были обезпечены, не такой, конечно, дворъ, который удобенъ только для пожара, но въ то время такихъ познаній въ Москвѣ не было. Затѣмъ воевода описываетъ общественныя учрежденія. «Тюрьма, а около ее острогъ дубовой, а въ немъ изба въ землѣ дубовоя-жъ, а въ ней сидѣльцовъ въ убивственныхъ дѣлахъ столько-то». Это описаніе свидѣтельствуетъ, что у насъ тюрьмы строились въ смыслѣ учрежденій, которыя были безопасны отъ огня—именно землянки. Это очень хорошее устройство въ смыслѣ безопасности отъ огня. но чрезвычайно невыгодное для здоровья тѣхъ, которые живутъ въ нихъ. Во всякомъ случаѣ, тюрьма несравненно лучшаго устройства, чѣмъ приказная изба. Но приказную избу нельзя было въ землѣ устроить, потому что это считалось непочетнымъ, землянка—это яма, а ямы годились только для хлѣва и для лихихъ людей; слѣдовательно, воеводу запереть въ землянку считалось неприличнымъ, да и неудобно для безопасности отъ огня. Затѣмъ воевода пишетъ:

«Да отъ города въ верстѣ отъ степныя стороны въ валу караульная проѣзжая башня ветха, а отъ степныя стороны по обѣ стороны валу надолобы-жъ ветхи-жъ. Да передъ городомъ надолобы-жъ ветхи, да за рѣкою Инсарою отъ степной стороны надолобы ветхи-жъ, да посторонь города возлѣ рѣки Инсары проѣзжая башня липовая ветха и надолбы згнили, да съ Русскою сторону за посады двѣ башни безъ верховъ ветхи и обвалились. Да в острогѣ съѣзжая изба, двѣ клети, да за валомъ отъ степной стороны подлѣ рву надолобы. Да подлѣ острогу дворъ для пріѣзду Потишскихъ воеводъ».

Вотъ описаніе всей строительной части, которую имѣетъ въ этомъ воеводствѣ городъ Инсары. Само по себѣ оно не представляла бы важности, все это гниль и вѣтхость и значитъ спрятаться въ этомъ городѣ отъ непріятеля затруднительно, а стоитъ это казнѣ очень дорого, но въ этомъ то весь и вопросъ: казнѣ обходилось не очень дорого, потому что воевода своимъ высмотромъ ничего не упуститъ. Такъ какъ все вѣтхо, все валится, то нельзя ли всѣхъ призвать къ починкѣ. И вотъ дьякъ въ воеводской избѣ пишетъ въ Москву: «положеніе страшное, все развалилось, на починку гроша денегъ нѣтъ, не разрѣшитъ-ли Москва вызвать всѣхъ отъ мала до велика на починку того города, чтобы везли лѣса, чтобы явились всѣ на постройку» и т. д. И московскіе дьяки, очень хорошо знавшіе, что это требованіе всеобщее, сколько денегъ перепадетъ къ дьяку и сколько въ казну перепадетъ, разрѣшали и безпрестанно предписывали взять людей, сколько воевода найдетъ нужнымъ, но воевода требуетъ всѣхъ, отъ мала до велика: за 50 и за 100 верстъ, чтобы пріѣхали. Поэтому рабочіе люди начали находить, что близко къ городу жить, значитъ окончательно разориться. Въ одномъ изъ памятниковъ еще очень стараго времени, именно XII столѣтія очень любопытны слова Даніила Заточника. «Подлѣ княжьяго села селиться невыгодно, потому что у князя въ селѣ есть люди такіе, съ которыми нехорошо встрѣчаться, потому что есть тіунъ княжескій, и есть рядовичи; тіунъ княжій подобенъ огню, заваленному тряпьемъ; если ты отъ самаго огня свое платье убережешь, то отъ искры никакъ не спасешься. Если посмотришь на это платье горящее, то этотъ огонь — это тіунъ княжій, а искра — это его рядовичи. Каждому, кого тіунъ изловитъ, онъ говоритъ: иди къ князя работать. Но можетъ быть князь ничего и не знаетъ, а не идти, все-таки, нельзя—подать тіунъ потребуетъ, радовичъ прійдетъ, грабли отыметъ, ничего не подѣлаешь, гдѣ-же съ княземъ тягаться». И вотъ стали отъ княжихъ селъ идти дальше

и отъ городовъ казенныхъ поселки строить дальше. И въ московскомъ періодѣ на 100 верстъ пошлетъ воевода, потребуетъ всѣхъ рабочихъ на царское дѣло. Тѣ и знать не знаютъ, какое это царское дѣло; непріятеля никакого нѣтъ, а воевода грозитъ, что если не пойдешь, то заплатишь, и шли работники на казенную работу. Всѣ воеводскія отписки, очень похожи одна на другую, но есть еще другія отписи точнѣе составленныя, напримѣръ. Опись города Опочки 1691 г. (Помѣщ. во «Временникѣ», кн XXV). Отъ нѣскольких воеводъ были описи, какъ строился г. Опочка, какія были въ немъ постройки, какія поправки дѣлались. Эта опись представляетъ любопытный матеріалъ для строительнаго дѣла въ московскомъ періодѣ. Вотъ эта опись. «Въ Опочкѣ въ верхнемъ городѣ городовые проѣзжіе ворота мѣрою 5 сажень безтрехъ вершковъ, поперегъ получетверти сажени, на воротахъ взрубленъ роскатъ, мѣрою въ длину и поперегъ по пяти саженъ, покрытъ тесомъ, и тѣ ворота позгнили и осели и непритваряютца, да надъ тѣми городовыми воротами в томъ роскатѣ пищаль мѣдная волканетъ, мѣрою сажень без-девяти вершковъ, на ней вылито мастеръ Гришка Дубининъ, в станку на колесахъ, станокъ и колеса желѣзомъ не окованы». Это обстоятельство показываетъ, что наши мастера стали выливать свои имена на своихъ работахъ; послѣ вѣчеваго періода русскіе мастера не стали мѣшать своихъ именъ съ чужеземными мастерами, но тутъ сказалась старая вѣчевая гордость, никому такъ не сдѣлать, какъ сдѣлаетъ русскій мастеръ. Далѣе въ описи значится: «Да, внизу у городовыхъ воротъ пищаль мѣдная волконетъ, мѣрою два аршина пять вершковъ, на ней вылито мастеръ Степашко Дубонинъ, в станку на колесахъ, станокъ и колеса желѣзомъ не окованы. От городовыхъ воротъ от раскату городовыя стѣны до наугольные другія башни мѣрою девять сажень и та городовая стѣна во 195 г. построена вновь, наугольная глухая башня по Заволоцской дорогѣ, мѣрою вдлину і поперегъ пять сажень, і та башня подгнила, а кровля на ней построена вновь, покрыта тесомъ, в той башни пищаль мѣдная полуторная. Орелъ, мѣрою четырехъ аршинъ без-двухъ вершковъ, въ станку на колесахъ, станокъ и колеса окованы желѣзомъ. От тое угольные глухіе башни до Велѣйскіе глухіе башни мѣрою городовые стѣны семдесятъ одинъ саженъ, на томъ пряслѣ городовая стѣна во 195 г. построена вновь, възрублено пять венцовъ, вышиною въ сажень, стѣна рублена вдвое без обламовъ и без кровли. Велѣйская глухая башня, мѣрою вдлину и поперегъ по пяти сажень подгнила і осела

и кровля на ней огнилажъ и обвалилась, въ той башнѣ пищаль полуторная мѣдная, Орелъ, мѣрою четырехъ аршинъ без двухъ вершковъ, на обѣхъ пищаляхъ вылето Богданъ, в станку на колесахъ. станокъ и колеса окованы желѣзомъ. А и к тѣмъ пищалѣмъ Орломъ четыреста пятъ десятъ шесть ядеръ, вѣсомъ по шести и по полушести гривенки ядро. Всего в Опочкѣ въ верхнемъ городѣ двое проѣзжіе ворота да глухихъ три башни, надъ воротами роскатъ, глухихъ двѣ башни мѣрою по пяти сажень, а третяя четырехъ саженъ, а по городу межъ башенъ мѣрою городовые стѣны двѣсте шестьдесятъ саженъ. Обоего проѣзжіе ворота и глухихъ три башни и по городу межъ башенъ двѣсте тридцать пять саженѣ. Въ Опочкѣ нижній городъ острогъ, башня глухая у Жидовки рѣчки мѣрно въ длину і поперегъ трехъ саженъ. От тое наугольные глухие башни до Спаскихъ проѣзжихъ воротъ мѣрою городовые стѣны тридцать одинъ саженъ. Башня, а въ ней Спаские проѣзжіе ворота, вдлину и поперегъ полпята саженъ, а на тѣхъ Спаскихъ проѣзжихъ воротахъ была пищаль мѣдная волконетъ, мѣрою сажень безъ семи вершковъ, въ станку на колесахъ.» Затѣмъ идетъ описаніе какое было оружіе и какъ поставлено самое вооруженіе. Далѣе описывается: «А тотъ казенной зелейной каменной погребъ въ прошломъ во 195 году Псковские казенные каменьщики Гришка Терентьевъ с товарищи строили вновь каменной іс плиты, что вожена с Велейскаго городища ис камени из дичню, что воженъ с Опочецкихъ городовыхъ поль і с Опочецкаго уѣзду, по подряднымъ записемъ Опочецкого і Велейского і Воронецкаго уѣздовъ сошныхъ всякихъ чиновъ людей, а зелейная пороховая казна въ чабкахъ і дщинахъ перенесена іс казенного новаго амбару въ казенный зелейный погребъ во 197 году въ Юне мѣсяце.»

Это показаніе совершенно подкрѣпляется съ законодательствомъ Москвы: когда въ городѣ нужно построить казенную постройку, предписать ближнимъ людямъ поставлять камни, собрать съ полей и затребовать роспись; если же не соберутъ, то въ острогъ, или же, для того, чтобы собрали,—заложниковъ представить. Эта работа выгодная для землепашцевъ, но работа чрезвычайно трудная. Не сохранилось никакихъ данныхъ, какъ эти всякихъ чиновъ сошные люди справлялись съ этой работой. Сначала конечно, брали камень, который легко вырыть, но потомъ, когда его не стало, а его требуется очень много къ такому-то сроку представить этотъ камень. Какимъ же образомъ его разбивать, да-

2*

валось ли казенное зелье, чтобы эти глыбы разбивать, или не давалось—прямыхъ свидѣтельствъ относительно этого нѣтъ, или, можетъ быть, руководствовались тѣмъ патріархальнымъ средствомъ, чтобы добыть камень, которымъ пользовались еще недавно въ Псковской губерніи, гдѣ много лѣса. Разжигали камень, потому что лѣсъ даровой, топятъ камень дровами, чтобы онъ разгорячился, и потомъ бьютъ его. Эта страшная работа, потому что требуетъ безпрерывнаго огня; дровъ при этомъ пожирается чрезвычайно много. Но не видно, какъ эта повинность при правительственныхъ постройкахъ исполнялась, какъ эти сошные всякихъ чиновъ люди должны были доставлять камень, а оказалось, что запись заключаетъ росписи на сошныхъ людей: такое-то количество камня къ такому-то сроку доставить, «а зелейная казна перенесена іс казеннаго новаго амбару въ казенной зелейной погребъ во 197 году въ Юне мѣсяце». Изъ чего можно заключить, что до постройки этого казеннаго погреба зелейная казна сохранялась въ амбарѣ. Значитъ, самая постройка представлялась затруднительной. Мастеровъ мало, рукъ нѣтъ и денегъ нѣтъ у казны. Всѣ описи представляютъ одно и то же: всѣ казенныя зданія представлялись въ весьма неудовлетворительномъ видѣ, что казенныхъ зданій вообще было мало, и они по преимуществу деревянныя. Между тѣмъ, въ московскомъ періодѣ встрѣчается цѣлое установленіе — приказъ, подъ названіемъ каменнаго приказа. Этотъ приказъ представляетъ весьма любопытное учрежденіе. Исторія приказа свидѣтельствуетъ, что устроить приказъ было весьма легко, стоило только царю приказать такое-то дѣло, такому-то боярину, прикомандировать къ нему дьяка или нѣсколькихъ, разбить канцелярію, взять подъячихъ—и пошолъ приказъ работать. Но это можно было сдѣлать по обыкновенному дѣлу, но вѣдь техническое дѣло требуетъ знанія. Въ московскомъ періодѣ былъ чисто техническій приказъ, именно аптеркарскій приказъ, по дѣламъ медицинской полиціи, въ которомъ засѣдалъ бояринъ, не смотря на то, что дѣло было спеціальное, но бояре были чрезвычайно послушны. Всякое дѣло возметъ на себя бояринъ, хотя бы до той минуты и не помышлялъ объ этомъ вопросѣ, но царь прикажетъ—и сидитъ бояринъ и дѣлаетъ, что надо. Въ аптекарскомъ приказѣ они сдѣлались даже спеціалистами, потому что стали вызывать иноземныхъ врачей, и потомъ аптекарскій бояринъ ихъ экзаменуетъ, посовѣтавшись съ иноземными врачами. Съ такимъ аптекарскимъ приказомъ весьма любопытно сопоставить каменный приказъ,—въ каменномъ приказѣ также должны быть

свѣдущіе люди по строительному дѣлу. Откуда же было московскому правительству такихъ людей получить? Можно было вызвать иноземцевъ, у насъ и были свѣдующіе архитекторы, но вѣдь иноземцу нельзя поручить такого дѣла: можно ли ему приказать дѣлать. Его можно было пригласить царю послужить и на себѣ его царское жалованье видѣть, но поручить ему приказъ невозможно. И каменный приказъ свидѣтельствуетъ, что тамъ сидитъ одно время стольникъ, а другое время—дворянинъ; значитъ не очень всякаго подбора служилые люди назначаются командовать каменнымъ приказомъ; значитъ въ главахъ правительства дѣло это не столь важно. Въ аптекарскомъ приказѣ бояринъ сидитъ, а въ каменномъ—стольникъ или дворянинъ, значитъ лица не очень высокаго званія, и при нихъ два дьяка. Въ этомъ приказѣ вѣдается все каменное дѣло московскаго государства; значитъ центральное управленіе строительною казенною частью преобразовалось въ Москвѣ, и всѣ мастера каменнаго дѣла находятся въ распоряженіи каменнаго приказа. Изъ этого видно, что если понадобятся для какого либо казеннаго строенія мастера, то приказъ пишетъ во всѣ села: такихъ-то мастеровъ, такое-то количество доставить городу, а изъ царской казны будутъ имъ даны кормовыя и поденныя деньги, чѣмъ имъ сыты быти можно. Но вѣдь мастера сыты будутъ и безъ казенной работы и потому не идутъ. Тогда каменный приказъ обязанъ былъ, списавшись съ селами, потребовать заложниковъ, чтобы мастера явились на казенную работу, потому что мастера разбѣгаются на работы частныя, а на казенную работу никто не идетъ, потому что имъ даютъ только кормовыя деньги; но вѣдь они вездѣ кормятся, да еще и деньги получаютъ за работу. Вотъ для этой-то цѣли и былъ поставленъ каменный приказъ. Кромѣ того было еще одно обстоятельство: мастеровъ-то соберутъ, а матеріалу нѣтъ,—не изъ чего строить этимъ мастерамъ. Частныя лица заблаговременно припасутъ матеріалъ, мастеръ придетъ, все готово,—строить можно. Въ казнѣ же наоборотъ: приказано строить, а матеріалу нѣтъ. Вотъ для этой цѣли и повелѣно было каменному приказу открыть повсемѣстно известковые и кирпичные дворы и заводы, безъ которыхъ, дѣйствительно, нельзя было производить каменныя постройки. Не только въ то время Москва терпѣла отъ недостатка строительныхъ матеріаловъ, но и въ наше время бываетъ иногда трудно добыть этотъ матеріалъ.

Заложники имѣются, строить приказано, но ни кирпича, ни извести нѣтъ, мастерамъ нужно платить кормовыя деньги, а

строить нельзя. Вотъ для этого и приказано было каменному приказу строить казенные кирпичные дворы и заводы, а гдѣ казенный кирпичный дворъ или заводъ устроены, тамъ мѣсто дьяка поднимается въ штатѣ и считается лучше, чѣмъ то, гдѣ нѣтъ построекъ. Дьяки это дѣло разумѣли, и отсюда каменный приказъ сталъ получать значеніе. Дьяку можно поставить казенный дворъ или заводъ на предметъ того, что и учесть его нельзя, и чистый доходъ будетъ безъ всякихъ опасностей. Далѣе каменному приказу повелѣвалось вести счеты городовъ, гдѣ бѣлый камень родится, т. е. изъ котораго можно известь получить и всѣ эти города приписать къ каменному приказу. Значитъ, гдѣ известковой камень родится, тѣ города съ податями и доходами вѣдать въ каменномъ приказѣ. До сихъ поръ нѣтъ никакихъ памятниковъ того, что, вѣроятно, города отдѣлывались отъ этого приказа. Нужно было записать только, что отыскался бѣлый камень, и городъ считается приписаннымъ къ каменному приказу. Но какъ отписать, гдѣ бѣлый камень—дьякъ и пишетъ, какъ его Богъ вразумитъ, а нѣтъ, то отбираетъ въ томъ подписки, а теперь доходы, всетаки, въ каменный приказъ приняты. Далѣе сказано было: если такихъ доходовъ съ такихъ городовъ и земель, гдѣ бѣлый камень родится, наберется болѣе 5000 р., то болѣе городовъ не приписывать, а камень бѣлый должны привозить въ Москву съ тѣхъ городовъ, справедливо объясняя, сколько отъ кого каменный приказъ получитъ. Этими то недоборами и можно объяснить то явленіе, что дьяки, въ свою очередь, были патріоты и народъ не очень затрудняли. Они дѣло свое обставятъ, на 5,000 р. доходу нагонятъ въ каменный приказъ, а потомъ не заставляютъ народъ возить: и въ деревянныхъ палатахъ приказныя избы постоятъ, каменныя еще хуже—горѣть имъ труднѣе, значитъ, и дьяку доходовъ меньше. И, такимъ образомъ, избавлялись русскіе сошные люди отъ возки камня и избавлялись отъ самаго камня и каменныхъ построекъ.

ЛЕКЦІЯ III.

Остановившись на томъ, что Москва создала особое центральное учрежденіе въ видѣ каменнаго приказа, функція котораго была довольно широкая,—именно имѣть въ своемъ распоряженіи всѣхъ мастеровъ не только московскихъ, но и тѣхъ, которыхъ можно привлечь изъ селъ русскихъ и пригласить ихъ къ государственному строительному дѣлу. По этому поводу Катошихинъ сообщаетъ, что каменному приказу отпускалось 5,000 руб., и указано было открыть заводы въ большихъ центрахъ, а чего не хватитъ въ дѣлѣ камня или извести распорядиться произвольно выполненіемъ повинности со стороны уѣздныхъ людей. Требовать, чтобы изъ уѣздовъ везли въ Москву или другіе города камень, щебень, известь и т. п. Другихъ историческихъ сообщеній о каменномъ приказѣ не имѣется. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи имѣются нѣкоторые акты, которые еще не опубликованы. Но имѣлъ-ли каменный приказъ вообще вліяніе на распространеніе лучшихъ построекъ въ государствѣ? Вѣдь если казна можетъ строить хорошія зданія, если имѣетъ такое установленіе, какъ каменный приказъ, который можетъ привлекать къ себѣ наилучшія силы строителей и художниковъ того времени и можетъ даже вызывать заграничныхъ, то отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно было-бы несправедливо вотъ по какой причинѣ. Одинъ изъ современниковъ царя Алексѣя Михайловича, писатель Крижаничъ, въ лѣтописи своей, которая издана Безсоновымъ, дѣлаетъ любопытную замѣтку въ смыслѣ критики дѣятельности каменнаго приказа. Онъ говоритъ, что первые богатѣйшіе торговцы живутъ въ каменныхъ палатахъ, которыя начали воздвигать не болѣе 20 лѣтъ назадъ, слѣдовательно распространеніе каменныхъ зданій онъ относитъ къ тому времени, когда началъ дѣйствовать каменный приказъ. Это указаніе само по себѣ вызываетъ любопытныя изслѣдованія, сколько у насъ было каменныхъ зданій, и какая разница въ постройкѣ между частными и казенными зданіями того времени, когда дѣйствовалъ

каменный приказъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ другаго свидѣтеля, который на сколько можно удовлетворительно относится къ зданіямъ московскаго періода при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ,—этотъ свидѣтель Катошихинъ, который описываетъ, какъ строились зданія, и изъ его описаній можно вынести нѣкоторое отличіе построекъ частныхъ лицъ сравнительно съ прежнимъ временемъ. Онъ свидѣтельствуетъ: «бояре и ближніе люди живутъ въ домахъ своихъ не только деревянныхъ, но и каменныхъ, но безъ всякаго устроенія и призрѣнія». Съ этимъ указаніемъ этого мѣткаго критика современныхъ ему событій можно вполнѣ согласится. Дѣйствительно, каменныя строенія начали распространяться со стороны богатыхъ людей, но вкуса и знанія въ расположеніи домовъ въ московскомъ періодѣ вовсе не было, потому что свѣдѣнія вообще оскудѣли, а каменный приказъ нисколько не заботился о распространеніи знаній и искусства въ постройкахъ. Онъ заботился объ одномъ, чтобы казенныя каменныя зданія можно было распространить, и чтобы эти зданія были крѣпкія, но чтобы знающихъ людей пріобрѣсти и обезпечить эстетическую сторону построекъ—этого совершенно не было. Только церкви сохранили нѣкоторую эстетическую сторону. Московскіе бояре и ближніе люди (какъ и по другимъ описаніямъ извѣстно) строили на своихъ дворахъ церкви, потому что какъ царь московскій всякій день ходилъ въ церковь, такъ и у московскихъ бояръ и ближнихъ людей явился обычай ежедневно ходить въ церковь, и чѣмъ бояринъ богаче, тѣмъ ближе церковь во дворѣ. Въ то время роскошь частныхъ лицъ представляла копію съ роскоши царской, а вся роскошь московскаго двора была заимствована изъ захудалой византійской роскоши. Это сказалось во многомъ, напримѣръ, въ дѣлѣ одежды—полная безхарактерность. Царь жаловалъ одежду съ своего плеча, какъ боярамъ и ближнимъ людямъ, такъ и придворнымъ, и вся красота заключалась въ количествѣ чѣмъ больше людей въ парчу одѣтыхъ, тѣмъ лучше. Это отразилось въ простомъ бытѣ, и бояре держались этой системы: какъ у царя дворъ большой, большая свита, такъ и у знатныхъ бояръ должно быть много людей. Эти, такъ называемые, «знакомцы» жили у каждаго боярина во дворѣ, и количество этой свиты означало важность боярина; онъ не показывался въ Москву иначе, какъ окруженный своими знакомцами, около его колымаги или шли, или верхами ѣхали его знакомцы въ тѣхъ одеждахъ, которыя онъ имъ съ своего плеча жаловалъ. Это продолжалось до Петра, который подъ страхомъ на-

казанія запретилъ боярамъ появляться на улицы съ знакомцами. Порядокъ роскоши и самаго склада жилищъ царскихъ отразился на складѣ жилищъ частныхъ лицъ, и потому постройки были очень обширны. Вѣдь надо было всѣхъ знакомцевъ помѣстить и во дворѣ имѣть церковь. Самое расположеніе домовъ, хотя и каменныхъ, было совершенно лишено какой либо эстетики или характера и самобытности. Слова Катошихина, что они жили безъ всякаго устроенія и призрѣнія, доказываютъ, что дома строились безтолковымъ образомъ, прелести никакой не было, да и не кому было заботиться о ней. Катошихинъ говоритъ: живутъ съ женами и дѣтьми своими покоями, да у многихъ ученены на дворахъ церкви. Такимъ образомъ вліяніе богатыхъ классовъ и сильныхъ людей отразилось на людяхъ менѣе богатыхъ. Чрезвычайно любопытный вопросъ представляется въ исторіи специальныхъ отношеній, когда болѣе богатые классы своими обычаями вліяютъ на менѣе богатыхъ; потомъ бываетъ другой періодъ вліянія, богатые классы начинаютъ оскудѣвать въ своихъ средствахъ и не могутъ поддерживать своихъ обычаевъ, тогда вліяніе со стороны менѣе богатыхъ людей начинаетъ переобразовывать вкусы, напримѣръ, костюмы, складъ жизни, такъ и самыя постройки. Каменный приказъ не могъ произвести какого-либо господствующаго вліянія въ дѣлѣ эстетики и удобства построекъ; если его вліяніе и было, то оно ограничивалось небольшою группою людей; бояръ, ближнихъ людей и духовенства а остальные всѣ не могли стремится къ лучшимъ постройкамъ по тѣмъ причинамъ, которыя представляетъ Катошихинъ. Онъ говоритъ: «меньшимъ же чинамъ домовъ своихъ построить добрыхъ немочно, потому что развѣ могутъ они богатство многое имѣть; ежели построится домомъ какой приказный человѣкъ, то отличатъ передъ царемъ и многія кривды учинятъ, до того онъ былъ посадникъ и царскія казны не берегъ, и казну воровски升 кралъ, и оттого злаго слова тому человѣку будетъ болѣзнь и печаль, или, ненавидя его, пошлютъ на иную царскую службу, котораго ему дѣла исправить немочно и наказъ ему напишутъ, что онъ его и уразумѣть не умѣетъ, и тою службою прослужится и ему бываетъ наказаніе, и дома, и животы, и вотчины возьмутъ на царя». Это указаніе очень важно, потому что оно охватываетъ собой и общественный строй, и дѣло строительной части московскаго періода. Оно указываетъ, что бояре и ближніе люди считали своею привиллегіею быть знатными, а подъ знатностью разумѣлось въ то время только близость къ царю, богатство и право жить хорошо. Если какой нибудь человѣкъ разбо-

гатѣетъ своимъ умомъ, не находится на службѣ и задумаетъ жить также хорошо, какъ какой нибудь ближній бояринъ, то въ этомъ бояре сейчасъ преступленіе увидятъ. Какъ смѣлъ низкой породы человѣкъ построить себѣ такой же хорошій дворъ «или въ бояре идетъ»? Если въ бояре, то у насъ есть боярское средство: скажемъ царю, что онъ воръ, потому что хочетъ хоромы построить себѣ. Они его тѣмъ доймутъ, что послужить царю, какъ умнаго человѣка, на должность пошлютъ, такой наказъ сочинятъ, что не выполнить этого наказа, а не выполнилъ — значитъ отвѣтственности долженъ подвергнуться; значитъ продавать его со всѣми животами и вотчинами, не подымался бы до бояръ. Но не бояре были самые умные люди въ московскомъ царствѣ, самые ученые люди тамъ были тѣ, которые и состояніе наживали на счетъ бояръ—это канцелярія Москвы, дьяки. Они и богаче были, но только имъ дома построить хорошаго имъ нельзя, они такъ, про себя богаты. Бывало, что изъ дьяковъ выходили въ бояре, но это было рѣдко. Въ дьяковскомъ отродьѣ высокіе чины долѣе третьяго колѣна не наслѣдственны бываютъ и это совершенно вѣрно; многіе дослужили и достигли высокихъ чиновъ. Бояринъ много можетъ получить отъ царя, можетъ и вотчинъ накупить себѣ, да и съ царскаго стола много получить, а дьякъ самъ заработаетъ, своимъ умомъ добудетъ, только показывать этого нельзя: онъ не можетъ внѣшнимъ образомъ жить хорошо. Это обстоятельство чрезвычайно вліяло во всѣхъ московскихъ городахъ не только на постройки, но и на весь складъ города. Не только приказные люди не могли хорошія зданія строить, но даже и остальные люди, по другимъ причинамъ, хорошихъ зданій воздвигать не могли. Торговые люди и крестьяне, которые въ городъ пріѣдутъ, построиться хорошо не могутъ; они должны жить кое-какъ и строить зданія кое-какія, потому что ежели они построятъ зданія хорошія, то ихъ поборами затянутъ. Катошихинъ говоритъ: «а ежели торговый человѣкъ или крестьянинъ построится добрымъ своимъ обычаемъ, то на него положатъ на всякій годъ податей больше». Это была финансовая система которая сама предопредѣляла, что всѣмъ людямъ нужно казаться бѣдняками. Финансовая система въ московскомъ царствѣ была по идеѣ очень хорошая, но по примѣненію самая ужасная. По идеѣ это было ничто иное, какъ подоходная подать и являлась она въ видѣ сохи. Съ сохи, какъ съ опредѣленнаго количества собственности и съ опредѣленнаго количества дворовъ, собирали сборы такимъ образомъ, что въ соху полагалось богатыхъ дворовъ 15, среднихъ отъ 25—35,

а худыхъ и до 200 дворовъ. Но примѣненіе этого закона было самое невыгодное, особенно въ дѣлѣ строительной части. Обществу выгоднѣе было построиться хуже, такъ какъ платить меньше будетъ. Когда гдѣ нибудь была начата постройка, а денегъ не хватало, то московское казначейство прибѣгало къ такому средству: можно взять еще добавочныя деньги съ тѣхъ, съ кого взять можно, т. е. съ богатыхъ, потому что съ бѣдныхъ ничего не получишь. Если нужно было собрать большія деньги, тогда созывался земскій соборъ, гдѣ царь объявлялъ, что положеніе крайнее: продолжать войны нельзя, денегъ нѣтъ, какъ поступить прикажете? Соборъ состоялъ изъ бояръ, служилыхъ людей, духовныхъ особъ и выборныхъ отъ города. Первые и вторые считались людьми бѣлыми, которые податей не платятъ, и они-то являлись руководителями на земскомъ соборѣ. Бояре указывали, что конечно, надо царю помочь, что всѣ честные русскіе люди должны заплатить, и духовенство также говорило, что и оно благословляетъ взять, и берутъ съ третьяго сословія, а такъ какъ это дѣлалось часто, то всѣ и разсуждали, что если построить хорошій домъ, значитъ постоянно плати добавочныя деньги—«запросныя деньги», какъ ихъ тогда называли, и этимъ такъ проймутъ, что лучше отъ хорошихъ зданій отказаться, лучше жить кое-какъ. Каташихинъ дѣлаетъ такой выводъ: «и отъ того московскаго государства люди домами своими живутъ не гораздо устроены, и города, и слободы безъ устроенія быти». Это конечно, прискорбное свидѣтельство, но совершенно вѣрное. Строительная часть не могла развиться въ московскомъ періодѣ, потому что частнымъ людямъ невыгодно было заботиться о хорошихъ постройкахъ. Это была одна изъ существенныхъ причинъ, но къ ней присоединилась и другая. Такъ какъ зданія были преимущественно деревянныя, то московская Русь періодически выгарала вся. Пожары составляли въ московскомъ періодѣ такое явленіе, которое можно сопоставить съ голодомъ и моромъ. Голодъ до того часто являлся въ то время, что лѣтописцы такъ набили руку въ описаніи голода, что это описаніе въ московскихъ лѣтописяхъ выходитъ даже художественно. Въ московскомъ періодѣ Россія періодически выгораетъ, періодически голодаетъ и періодически вымираетъ, и эти свойства въ совершенной связи, потому что по отношенію къ голоду забывалось все то могучее и сильное, что спасало отъ голода Россію до московскаго періода. Во время вѣчеваго склада, Русь спасалась отъ голода не потому что хлѣбопашество было лучше, а потому что существовало важнѣйшее средство противъ голода —

именно свободная торговля. По отношенію къ пожарамъ надо сказать, что московская Русь конкурировала съ вѣчевою Русью: и въ вѣчевой Руси пожары являлись часто, но такъ какъ города тогда иначе складывались и не было этихъ остроговъ, въ которыхъ зелье собиралось, казенный порохъ хранился въ деревянныхъ чанахъ, которые во всѣхъ острогахъ бывали, то въ московскомъ періодѣ города представляли всѣ условія для пожара. Дѣйствительно, пожары для строительнаго дѣла представляютъ вопросъ чрезвычайной важности. Средневѣковая Европа стала спасаться отъ пожаровъ развитіемъ принциповъ взаимной помощи, взаимнаго страхованія, вслѣдствіе чего появился интересъ для спеціалистовъ, которые начали заниматься постройками именно для архитекторовъ, которые появились въ Западной Европѣ въ XIV столѣтіи въ видѣ знающихъ людей, занимавшихся дѣломъ частныхъ построекъ. Они заботились создавать постройки такъ, чтобы онѣ не составляли причины пожара внутреннимъ расположеніемъ. Въ исторіи германской и французской архитектуры вопросъ частныхъ зданій въ XIV столѣтіи производитъ переворотъ, потому что до XIV столѣтія архитектура представляла только памятники. У насъ не было этихъ архитекторовъ, и каменный приказъ ничего не могъ создать въ этомъ отношеніи, поэтому мы встрѣчаемся съ своеобразными распоряженіями Москвы, какъ спасаться отъ пожаровъ. Москвѣ надо отдать справедливость, что противъ пожаровъ она изобрѣла цѣлую массу мѣръ, но если ихъ сопоставить съ другими государствами или съ средневѣковымъ германскимъ законодательствомъ, то онѣ чрезвычайно бѣдны и неудобны. Надо сказать, что Москва, не имѣя никакихъ попытокъ застраховывать свои зданія путемъ взаимной помощи, не имѣя никакихъ попытокъ для тушенія пожара, всѣ мѣры направила къ тому, чтобы предупредить пожаръ. Между тѣмъ какъ доказано, что предупрежденіе пожаровъ только тогда дѣлается возможнымъ, когда имѣются средства для тушенія пожаровъ и средства для вознагражденія этого труда. Главное средство заключается въ хорошей постройкѣ, въ томъ, чтобы не жалѣть денегъ на вознагражденіе знающихъ людей, архитекторовъ, которые могли-бы дѣло это изучить въ точности; безъ этого предупредительныя средства явятся до того неудобными, что нужно будетъ отъ нихъ отказаться. Москва такъ и дѣлала: главное средство было запрещать топить печи въ лѣтнее время. Не топить печей, конечно, средство радикальное, но почти такое-же, какъ не жить въ домѣ, потому что тогда уже не загорится. Но какъ же обходится безъ топки печей?

а для этого отводить особыя печурки вдали отъ зданій, на огородахъ или въ поляхъ. Тамъ ставить печурки для приготовленія пищи, а въ домахъ не употреблять никакого приготовленія пищи; точно также и въ зимнее время: не топить по вечерамъ, а только утромъ. Но кто же будетъ это выполнять? а для этого поставить строгихъ надсмотрщиковъ, которые бы день и ночь ѣздили по городу и смотрѣли, чтобы дыму не было. Но сколько же стоили эти объѣзщики? вѣдь можетъ быть дешевле было-бы пригласить знающихъ людей, которые-бы указали, какъ построить зданіе, но для этого надо чтобы были знающіе люди, а въ Москвѣ спроса на знающихъ людей не было. Москва держалась такого предположенія, что строгостью можно все сдѣлать и не стѣснялась ничѣмъ, приказывая смертью казнить, если отъ огня не будутъ надлежащей опаски имѣть. Казна берегла свой городъ, свой острогъ, а не частныхъ людей, вотъ отчего все главное законодательство московское заключалось въ наказахъ воеводъ, потому что воевода долженъ беречь царскую казну и царскія зданія. Воевода для сбереженія города ставилъ особаго городничаго изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и имѣлъ объѣзжихъ головъ. Эти объѣзжіе головы представляютъ цѣлую исторію постояннаго надзора, постояннаго наблюденія. Но вѣдь это наблюденіе и не такимъ образомъ можно вести, объѣзжій голова можетъ и не увидѣть ничего, какъ ему предупредить пожаръ? И вотъ дѣло объѣзжихъ головъ представляетъ чрезвычайныя невыгоды для общественной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ для строительнаго дѣла. Объѣзжіе головы по инструкціямъ воеводъ должны были смотрѣть въ строгости, чтобы въ лѣтнее время нигдѣ не топили избъ, кузницъ и бань—это первое; далѣе, должны были смотрѣть, чтобы по вечерамъ нигдѣ не сидѣли съ огнемъ,—какъ темно, такъ и жизнь должна кончаться, потому что съ огнемъ будутъ сидѣть—пожаръ можетъ случиться. Затѣмъ должны были смотрѣть, чтобы пищу варили и хлѣбъ пекли не въ избахъ, а въ особо устроенныхъ поварняхъ, устроенныхъ при рѣкѣ или на огородѣ. Вотъ обязанности объѣзжихъ головъ. Кромѣ того они должны были получать отъ воеводы указанія какъ особенно беречь казенныя зданія. Средство для этого было вотъ какое: въ случаѣ огня, сначала требовать всѣхъ служилыхъ людей, а ежели такихъ не окажется, то всѣхъ людей вообще. Это общая повинность всѣхъ можно тянуть для того, чтобы казенное зданіе спасти. Гдѣ зелейнаго казеннаго двора не было—тамъ разрѣшалось топить и лѣтомъ бани избы и кузни, но съ великимъ береженіемъ и всякій виновный въ пожарѣ будетъ

подвергаться наказанію безъ всякой пощады. Что это было въ высшей степени неудобно, и ограничивалось такими средства-до извѣстной степени объ этомъ свидѣтельствують очень любопытныя грамоты, изъ которыхъ видно, какъ трудно было вообще небогатымъ людямъ въ московскомъ періодѣ существовать, не говоря уже о развитіи. Эти грамоты сохранились подъ названіемъ «подвинныхъ» и вытекли изъ челобитій, которыя представляли посадскіе люди, единственные люди считавшіе себя до извѣстной степени самостоятельными, съ которыми царскій слуга справиться не могъ. Какъ только воевода предпишетъ не топить печей, а печей не топить нельзя, потому что печурокъ нѣтъ, то посадскіе тотчасъ же собираютъ сходку и шлютъ въ Москву царю челобитную, что притѣсняетъ воевода, жить не даетъ, печей топить не дозволяетъ, существовать нельзя. и разъяснятъ это такъ точно царю, что тотъ въ видѣ исключенія даетъ имъ подлинную грамату—дозволяетъ топить печи. Эти особенныя грамоты сохранились, сохранились также акты города Шуи, отъ 1638 г., которые представляютъ много интереса въ этомъ отношеніи. Изъ этихъ граматъ видно, что шуяне подали челобитную царю о томъ, что въ Шуѣ, какъ они говорятъ, слава Богу, никакого города и никакого наряда казеннаго не имѣется, ни зелья казеннаго нѣтъ, значитъ, славу Богу, городъ отъ этого казеннаго добра свободенъ: а между тѣмъ приказные люди воеводскіе лѣтомъ избъ и мыленъ топить имъ не велятъ и хлѣбникамъ, и калачникамъ, и всякимъ людямъ, и кузнечныхъ дѣлъ мастерамъ избъ топить не велятъ, а они же посадскіе люди тѣмъ и кормятся, и подати казенныя платятъ, что на торгъ хлѣбъ и калачи пекутъ, и кузнечное дѣло дѣлаютъ, а тутъ не даютъ этого дѣлать. Далѣе они говорятъ: которые-же люди изъ нихъ для торговаго промысла или для воли и рѣшаются лѣтнею порою, начнутъ запасы готовить, или которые для кузнечнаго промысла въ кузняхъ дѣлать, то шуйскіе приказные люди ихъ бьютъ батогами и сажаютъ въ тюрьму и на нихъ же правятъ за батоги по два руб. Такимъ образомъ они мотивируютъ, что вѣдь имъ и податей казенныхъ платить нечѣмъ, предполагая, что другими данными не проймутъ: и мы нищаемъ, да и казна царская ничего не получитъ. И вотъ вслѣдствіе такой челобитной дана имъ подвинная грамота топить бани и кузницы лѣтомъ, но подъ условіемъ крайней осторожности и подъ наблюденіемъ воеводы. «А тебѣ, воеводѣ, наказывается всѣмъ посадскимъ людямъ сказать, если какого посадскаго человѣка или кузнеца не-

бреженіемъ вообще на посадѣ пожаръ объявится, то тому быть въ большомъ наказаніи безъ всякой пощады».

Этихъ законоположеній цѣлая масса, изъ нихъ можно вывести, что такъ какъ знающихъ людей въ постройкѣ зданій и наблюденій за сохраненіемъ ихъ не было, то у насъ чрезвычайно развелись поджоги; такъ развелись, что это составляло опасное дѣло, которое шло еще въ XVIII столѣтіи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно продолжалось и дольше. Поджоги являлись средствомъ чрезвычайно легкимъ, гдѣ зданія построены такъ, что самое расположеніе ихъ никакого предупрежденія отъ пожара не имѣетъ, то стоитъ только пустить краснаго пѣтуха, и цѣлый городъ или село сгараетъ въ нѣсколько часовъ. И такъ какъ произволъ со стороны воеводъ былъ чрезвычайный, то береженіе царскаго дѣла было чрезвычайно опасливо, потому что воевода по подозрѣнію захватывалъ и сажалъ въ тюрьму иногда людей совершенно невинныхъ, то это можетъ объяснить почему у насъ поджоги составляли такое зло, съ которымъ бороться было не въ состояніи. Въ прежніе годы поджогъ составлялъ такое дѣло, съ которымъ въ вѣчевомъ періодѣ справлялись гораздо лучше. Тамъ только и считались дѣйствительнымъ преступнымъ явленіемъ: умерщвленіе человѣка въ разбоѣ изъ воровства.— Это было лихое дѣло и преступленіе, потому что убить человѣка изъ мести, по злобѣ считалось обидой. Къ этому присоединилось другое преступленіе—поджогъ. Поджогъ представлялся въ вѣчевомъ періодѣ, какъ лихое дѣло, и потому поджигателя выдавали съ женой и дѣтьми, какъ говорилось тогда, на потокъ и разграбленіе. И это строгое наказаніе лихова человѣка обезпечивало наши общины отъ поджога. Пожары были, но поджигатели являлись дѣломъ чрезвычайно рѣдкимъ. Въ московскомъ же періодѣ, когда на всѣхъ начали смотрѣть какъ на лихихъ людей, поджоги чезвычайно распространились. И вотъ съ дѣломъ поджоговъ борется московское правительство, и борется совершенно безуспѣшно, и для этой борьбы давали инструкцію объѣзжимъ головамъ, чтобы они всѣхъ этихъ воровскихъ людей, поджигателей и воровъ могли бы задерживать, чтобы этимъ путемъ предупреждать поджоги. Эти инструкціи представляются чрезвычайно интересными въ «Наказѣ о благочиніи« XVII столѣтіи. При составленіи уложенія надо было думать, что все это соберется въ одно цѣлое, но квалификаторы рѣшились въ уложеніе не включать тѣхъ мѣръ, которыми боролось правительство, и для этого составили особое уложеніе или особый «наказъ о городскомъ благочиніи», который представляетъ какъ бы дополненіе уложенія, и въ немъ строитель-

ная часть, такъ сказать, играетъ опредѣленную свою роль, потому что въ этомъ наказѣ о городскомъ благочиніи есть выборка прежнихъ и сопоставленіе всего того, что прежде давалось объѣзжимъ головамъ, и вся мудрость XVII столѣтія, какъ беречь городъ отъ огня. Если разсмотрѣть этотъ наказъ, то окажется, что новаго ничего не придумали и рѣшаютъ дѣло тѣмъ, что не давать топить и лихихъ людей вылавливать. Но какъ ихъ вылавливать—въ этомъ и задача вся, потому что такихъ людей вылавливать очень трудно—значитъ, по подозрѣнію, а это очень любили московскіе воеводы и ихъ дьяки. Забрать по подозрѣнію, подержать его въ тюрьмѣ—выкупъ дастъ, а можетъ быть и еще на кого укажетъ, такъ и того забрать можно, и съ того взять выкупъ. Эта система представлялась въ высшей степени неудовлетворительной. Въ наказѣ выражено такъ: такимъ-то людямъ назначается въ каждомъ городѣ, а къ примѣру въ Москвѣ, быть въ объѣздѣ по такимъ-то частямъ города. Эти объѣзщики устраиваются для береженія отъ огня и отъ всякаго воровства. Въ этомъ отношеніи въ западной Европѣ, напримѣръ, во Франціи, устроилась система ночныхъ карауловъ, сначала въ видѣ повинности, а потомъ въ видѣ ночныхъ сторожей, и чѣмъ меньше городъ, тѣмъ удобнѣе такая система, и эту систему Петръ хотѣлъ ввести и въ Россіи. Москва держалась другой системы—именно, что служливымъ людямъ нужно поручить объѣзжать городъ. Объѣзжихъ головъ въ Москвѣ нѣсколько расширили, потому что объѣзду поручался опредѣленный кругъ. При объѣзжемъ головѣ назначалось для береженія быть 5 человѣкамъ, да всякихъ людей отъ 10 дворовъ, десятскаго съ рогатинами и съ топоры и съ водометательными трубами. И эти 5 человѣкъ, вмѣстѣ съ объѣзжимъ головою, должны по всѣмъ улицамъ и переулкамъ день и ночь ѣздить безпрестанно и для сбереженія разсылать всѣхъ десятскихъ на каждой улицѣ, и эти десятскіе должны ходить по своему околодку и днемъ и ночью, и беречь на-крѣпко, чтобы въ улицѣ никакого воровства не было (подъ воровствомъ разумѣлся главнымъ образомъ поджогъ), чтобы воры нигдѣ не зашли и огня на хоромы не накинули, и у хоромъ, и у заборовъ съ улицы ни у кого, ни съ чѣмъ огня не подложили и, кромѣ поджигателей, этимъ людямъ беречь на-крѣпко, чтобы весною и во все лѣто, и осенью въ вѣтренные дни избъ и мыленъ никто не топилъ, а по вечеру поздно съ огнемъ не сидѣли. Этотъ наказъ необходимо разсмотрѣть подробно въ связи съ началами строительной части Москвы, для того, чтобы изъ него вывести нѣ-

которые моменты зарождавшейся строительной полиціи—неудачные, скорѣй отрицательные, но все-таки зарождавшіеся, чтобы эти мотивы первыхъ моментовъ сопоставить съ тѣмъ, что появляется у насъ, въ Россіи, въ XVIII столѣтіи, потому что тогда появляется первая, такъ сказать, попытка создать строительную полицію, попытка обезпечить для всѣхъ людей возможность строить человѣческія зданія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣкоторыя требованія со стороны правительства, по преимуществу заимствованныя съ запада, которыя могутъ быть обязательны для всѣхъ лицъ. Вотъ эти моменты важно сопоставить съ новыми европейскими требованіями, которыя уже при Петрѣ съ извѣстной ясностью были установлены въ законодательствѣ.

ЛЕКЦІЯ IV.

Я поставилъ себѣ задачею представить вниманію слушателей элементы строительной полиціи, создавшіеся въ началѣ XVIII столѣтія. Съ этою цѣлью въ прошедшемъ полугодіи я представилъ отрывки нѣкоторыхъ попытокъ въ этой области,—весьма слабыхъ и робкихъ, которыя были въ Москвѣ и которыя московскій періодъ завѣщалъ петербургскому періоду Россіи. Изъ этихъ отрывковъ, конечно, нельзя было вывести полнаго и важнаго значенія просыпавшагося общества, желавшаго что-либо совершить для удобства человѣческой жизни въ дѣлѣ построекъ. Въ Западной Европѣ вопросъ строительной полиціи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в., также еще не сложился, но тамъ начинаютъ уже вырабатываться указанія отдѣльныхъ умовъ, подвергавшихъ изученію довольно обильный матеріалъ того, что сдѣлали города въ Европѣ. И вотъ этотъ-то выведенный ими итогъ, и задача строительнаго дѣла, установившаяся въ Западной Европѣ въ началѣ XVIII в., отдѣльными техниками начала обобщаться и изъ этихъ обобщеній начали слагаться первые элементы того, что теперь называется строительной полиціей, которая обнимаетъ въ настоящее время самые сложные и самые важные жизненные вопросы массы и возбуждаетъ весьма трудный для законодателя и администраціи вопросъ: на сколько отдѣльное лице можетъ быть ограничено въ своихъ правахъ и свободѣ при возведеніи постройки на томъ основаніи, что эти постройки могутъ представить какія либо невыгоды для лицъ постороннихъ. Отсюда — вопросъ сложный и трудный изъ юридическихъ и политическихъ вопросовъ, который свои тонкіе корни имѣетъ въ работахъ начала XVIII столѣтія. Вотъ на эти-то работы XVIII столѣтія не могъ не обратить вниманія такой сильный политическій культъ, какъ культъ Петра I.

Взявъ то, что ему дала Москва, то ничтожное, лѣнивое и робкое, Петру, конечно, нельзя было не прельститься новою работою,

но вмѣстѣ съ тѣмъ ему невозможно было сей часъ проникнуть въ существо этой новой работы. Это дѣло представлялось труднымъ ему, какъ мыслителю, да кромѣ того, въ то время въ Россіи не могли получить тѣ отдѣльные этюды, которые начали появляться въ европейской литературѣ—этюды не техниковъ и архитекторовъ, но этюды политическіе, въ которыхъ начала выражаться мысль твердо поставленная, что городъ, какъ центръ населенія, совокупностью своихъ построекъ прямо вліяетъ на развитіе людей своею эстетикою, красотою и совокупностью реальною въ смыслѣ приложенія человѣческихъ открытій. Все это вліяетъ на весь складъ людей, на складъ соціальный умственный и политическій. Эти этюды создались, какъ чисто политическія работы, изъ разсмотрѣнія того, что сдѣлали средневѣковые города, когда въ кругъ ихъ стремленій вторглось правительство, взяло всѣ городскія работы въ свои руки и остановилось, не зная, что предпринять. Вотъ въ этотъ-то моментъ Петръ думалъ сдѣлать въ Россіи то, что дѣлаютъ въ Европѣ, и потому отдѣльные элементы строительной полиціи, которые не успѣли въ Европѣ сложится въ нѣчто систематическое и цѣльное и не сложились даже и до сихъ поръ, потому что всѣ тѣ отдѣльныя стороны этого дѣла, которое въ теченіи XVIII и въ началѣ XIX столѣтія развернулись, какъ напримѣръ, прочность зданій, эстетика и красота—въ новѣйшее время заслонились новою работою, которая заслонила собой работу техниковъ — это санитарная часть, которая вошла въ новѣйшее время въ задачи строительной полиціи и до сихъ поръ входитъ еще не весьма систематически. То, что наслѣдовала архитектура у іонійцевъ для обезпеченія интересовъ общественныхъ и политическихъ въ отношеніи удобствъ для того, чтобы въ общественномъ зданіи дать пріютъ опредѣленной массѣ людей, которое давало бы развернуться архитектурѣ, а теперь сталкивается въ Европѣ съ новыми помыслами— позаботиться о жизненныхъ интересахъ массъ. Это новыя санитарныя требованія, которыя входятъ въ законодательство и начинаютъ требовать отъ строителей всякаго рода подчиненія этимъ правиламъ, являются въ видѣ робкихъ отдѣльныхъ законоположеній. Разобраться въ томъ, чего требовали законодатели, и какъ понимали техники эти требованія—разобраться въ этомъ чрезвычайно трудно. Вотъ чѣмъ можно объяснить, что-то, что дѣлалось въ Россіи въ началѣ XVIII столѣтія и что составляло элементы строительной полиціи, является въ видѣ задачъ, долго недающихъ никакихъ видимыхъ результатовъ для русской жизни и самаго законодательства. Оттого элементы, къ которымъ стремились

въ XVIII столѣтіи, можно собрать только въ архивахъ и только по временамъ начинаютъ появляться изъ этихъ архивовъ указанія тѣхъ стремленій, которыя окрыляли Петра и первыхъ его пріемниковъ въ началѣ XVIII столѣтія въ дѣлѣ архитектуры и строительной полиціи. Эти указанія представляютъ большой интересъ какъ для техниковъ этого дѣла, напримѣръ, для художниковъ и архитекторовъ,такъ и для архивистовъ. Если разобраться въ этихъ архивахъ, то это важное свидѣтельство представитъ цѣлую массу разъясненій самыхъ любопытныхъ элементовъ законодательной и административной дѣятельности. Попробуемъ прослѣдить три первыя десятилѣтія XVIII столѣтія въ подробностяхъ. Прослѣдить это можно, разбивъ разсмотрѣніе заботъ государственныхъ XVIII столѣтія на четыре категоріи, которыя всѣ находятся въ связи, но которыя можно прослѣдить и отдѣльно.

Первая категорія—это казенныя зданія, которыя воздвигаются въ странѣ на счетъ государства, значитъ въ постройкѣ которыхъ участвуютъ правительства въ денежномъ отношеніи.

Вторая категорія—это вторженіе государства въ устройство центровъ населенія, т. е. планы городовъ и наблюденіе за тѣмъ, чтобы центръ населенія создавался не иначе, какъ по опредѣленнымъ указаніямъ закона и администраціи. Это только и начинается съ XVIII столѣтія, до тѣхъ поръ не было опредѣленныхъ плановъ городовъ, а неправильно созданный планъ мѣшаетъ на долгое время развитію человѣческому въ этомъ центрѣ населенія, потому что поправки обусловливаются значительными жертвами и приложеніемъ политически-юридическаго принципа, который играетъ большую роль въ Европѣ: именно экспропріація, т. е. обезпеченіе общества въ ущербъ личности.

Третья категорія—это ограниченіе правъ всѣхъ домовладѣльцевъ, которыя сооружаютъ постройки въ городахъ. Размѣры ограниченій и объемъ ограниченій построекъ появляется въ началѣ XVIII столѣтія и самый пріемъ, какъ законодатель вступилъ въ роль ограничителя, чего онъ можетъ держаться, чѣмъ можетъ оправдать свое вторженіе при ограниченіи частныхъ правъ—все это вопросы интересные, потому что въ нихъ проявляется любопытное отношеніе къ праву, такъ какъ каждое ограниченіе человѣческихъ правъ имѣетъ отношеніе къ воззрѣнію массы. Человѣкъ воспиталъ въ себѣ извѣстныя возрѣнія частнаго права, въ область котораго никто не вторгается, но вдругъ въ эту область начинается вторженіе и вслѣдствіе этого происходитъ переворотъ въ возрѣніяхъ цѣлой массы.

Нигдѣ съ такою силою не проявляется ограниченіе правъ какъ въ строительномъ дѣлѣ. Права, вообще, ограничивать чрезвычайно трудно, въ этомъ отношеніи исторія ограниченія правъ представляетъ большой интересъ. Тѣ государства, напримѣръ, Ливія, которыя наилучшимъ образомъ всегда стремились охранять человѣческія права, въ настоящемъ случаѣ представляютъ самыя смѣлыя стремленія ограниченіе права, ради цѣлей строительныхъ, въ видахъ наибольшаго обезпеченія правъ цѣлаго общества. Въ этомъ отношеніи Россія въ XVIII столѣтіи наврядъ-ли могла сильно ограничивать права, тѣмъ болѣе, что и точнаго нормированія самыхъ правъ не было.

Четвертая категорія—это вторженіе въ села, какъ центры человѣческой жизни. Вотъ этихъ четырехъ категорій совершенно достаточно, чтобы заняться нашей работой.

I.

Отношеніе законодательства и администраціи къ постройкѣ казенныхъ зданій.

Я остановлюсь на разсмотрѣніи самаго законодательства и администраціи относительно казенныхъ зданій въ началѣ XVIII столѣтія. Здѣсь прежде всего нельзя пройти мимо того особаго положенія, которое занимала Россія въ началѣ XVIII столѣтія въ средѣ всѣхъ культурныхъ государствъ. Казенныя зданія, которыя застало XVIII столѣтіе, были совершенно ничтожны, и эта бѣдность и ничтожность зданій цѣлой Россіи, конечно, поражали всѣхъ тѣхъ, кто посѣщалъ Европу. Тѣ зданія, которыя были, повидимому, необходимы для всѣхъ, и которыя являются продуктомъ общинной работы цѣлаго политическаго союза, на которыя всегда могутъ быть собираемы деньги цѣлаго государства, представляли любопытное явленіе въ Россіи,—ихъ строили безъ всякихъ знаній. Знанія были чрезвычайно рѣдки въ Москвѣ и были чрезвычайно дороги и, такимъ образомъ, могли проявляться только по отношенію къ весьма немногимъ зданіямъ внутри Россіи, по отношенію къ тѣмъ сферамъ, гдѣ были деньги, т. е. по отношенію къ церквамъ и по отношенію къ прежнимъ княжескимъ домамъ; все же остальное представляло полное ничтожество въ смыслѣ построекъ. Всѣ казенныя зданія по преимуществу были деревянныя, такъ что адми-

нистративная Россія выгорала въ опредѣленные періоды времени, а это обстоятельство само по себѣ имѣетъ значеніе для силы политическаго союза. Если казенныя зданія безпрестанно уничтожаются, то ничего и прочнаго нѣтъ, потому что эти зданія заключаютъ въ себѣ архивы, свидѣтельства о правахъ человѣческихъ,—вотъ почему государство готово было жертвовать деньги на государственныя зданія. XVIII столѣтіе оставило такія зданія, которыя только при снисходительномъ воззрѣніи можно назвать зданіями,—это избы, которыя можно растащить по бревну и которыя, къ довершенію всего, періодически выгорали. Напримѣръ, воеводскія избы, ввежныя казенныя зданія, наполненныя архивами, представляли убогія, деревянныя избы, безпрестанно погоравшія. Какъ только Петръ увидѣлъ зданія заграницей (онъ смѣшалъ казенныя зданія съ общественными): магистратъ, превосходное зданіе, наполненное архивами, школы и другія зданія, то съ самаго начала у него явилось стремленіе строить казенныя зданія въ Россіи какъ можно лучше. Но тутъ встрѣтился вопросъ: откуда взять денегъ? Общественныя и казенныя деньги, которыя собирались для достиженія цѣлей политическаго союза, возрастали въ странѣ исторически: вдругъ ни коимъ образомъ не получишь этихъ денегъ по той простой причинѣ, что для этого никто не наработалъ. Для того, чтобы имѣть съ цѣлаго политическаго союза опредѣленные доходы, нужно, чтобы эта потребность была уже сознаваема, чтобы люди на эту потребность наработали денегъ, а если этого нѣтъ—и денегъ нельзя получить. Вотъ XVIII столѣтіе встрѣтилось съ такимъ трагическимъ положеніемъ: сознаніе правительства, что нужно построить хорошія зданія и взять планы заграничные, которые, въ сравненіи съ нашими деревянными избами, были, конечно, превосходны,—парализировалось неимѣніемъ денегъ. Вотъ первое затрудненіе, которое встрѣтилось въ началѣ XVII столѣтія и вслѣдствіе котораго почти относительно всѣхъ казенныхъ зданій пришлось скоро отказаться отъ надежды подражать Западной Европѣ. Да, къ тому же, казенныя зданія—это была потребность не столь важная сравнительно съ новыми потребностями государства, какъ напримѣръ, военная сила. Обезпеченіе народнаго богатства надлежащимъ устройствомъ казенныхъ зданій на государственныя средства не могло быть, потому что всѣ средства нужно было употреблять для войны. Но въ началѣ XVIII столѣтія и для военныхъ людей не было денегъ; были случаи, что кормить солдатъ нечѣмъ стало; слѣдовательно, гдѣ-же тутъ собрать денегъ на казенныя зданія. Изъ этого

слѣдуетъ, что богатство массы—вопросъ чрезвычайно важный для достиженія общеполитическихъ цѣлей. Это первое, что насъ поражало и даетъ послѣдствія, которыя доходятъ до сихъ поръ, потому что потребность политическая и подготовленіе работъ для удовлетворенія этой потребности создается столѣтіями—это корни по отношенію къ дѣлу строительной полиціи, которые можно найти въ началѣ XVIII столѣтія. Можетъ показаться, что кромѣ денегъ у правительства было другое затрудненіе: не было свѣдущихъ людей. Но тутъ могли обратиться къ старому методу, т. е. взять самыхъ лучшихъ экспертовъ и техниковъ изъ заграницы. Надо сказать, что въ этомъ отношеніи Россія стояла благопріятнѣе всѣхъ другихъ странъ, потому что, дѣйствительно, эксперты всегда стремились въ Россію, гдѣ возникали новыя начала, которыя давали возможность нѣкоторыхъ открытій въ наукѣ; поэтому мы видимъ въ Москвѣ наилучшихъ экспертовъ по разнымъ отраслямъ, пріѣзжавшихъ туда не изъ-за жалованья, которое было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что эти люди могли получать у себя дома, но привлекавшихся возможностью, открытій въ наукѣ. Петръ приглашалъ наилучшихъ архитекторовъ того времени и, между прочимъ, Леблона, самаго смѣлаго изъ архитекторовъ, который можетъ быть, одинъ изъ первыхъ выразилъ предчувствіе, что вся архитектурная часть совершенно видоизмѣнится вслѣдствіе требованій санитарныхъ. Леблону, который былъ сдѣланъ генералъ-архитекторомъ, Петербургъ обязанъ тѣмъ, что онъ представлялъ для будущаго возможность сдѣлаться хорошимъ центромъ общественной и политической жизни. Кромѣ Леблона было приглашено много свѣдущихъ людей, между которыми имена Дретена, Гербеля, Растрелли извѣстны въ исторіи архитектуры. Придерживаясь этой системы, Петръ отправлялъ и русскихъ молодыхъ людей обучаться архитектурѣ заграницей. Въ Италію поѣхала часть художниковъ, но для архитектуры Петръ выбралъ Голландію. Онъ выбралъ ее на томъ основаніи, что въ Голландіи та же низменность, что и въ Петербургѣ, и выборъ Голландіи можно объяснить тѣмъ, что Петру прежде всего нужно было устроить Петербургъ. Но обученіе архитектурѣ въ иноземныхъ земляхъ было сопряжено съ нѣкоторой опасностью. Случалось такъ, что изъ Москвы поѣдутъ русскіе обучаться заграницу и вмѣсто того, чтобы возвратиться назадъ въ Россію, утекаютъ въ Англію, гдѣ было гораздо лучше, потому что тамъ была культура. Петръ, чтобы не получить того же самого, поручилъ посланныхъ русскому послу, князю Куракину, который долженъ былъ наблюдать за рус-

скими архитекторами заграницей. Князь Куракинъ вскорѣ заявилъ, что это порученіе для него трудно, что онъ не можетъ его исполнить и рекомендовалъ Петру выбрать агента въ Голландіи, свѣдущаго и знающаго человѣка, на котораго онъ могъ бы положиться. И вотъ агентомъ былъ выбранъ Ванд-дер-Бурги, который долженъ былъ русскую молодежь принять въ Голландіи и руководить въ дѣлѣ обученія архитектурѣ. Интересна переписка Петра съ этимъ агентомъ. Петръ даетъ ему указы (находящіеся въ полномъ собраніи законовъ), въ которыхъ заключаются инструкціи для этого агента, какъ ему относиться къ русскимъ художникамъ и архитекторамъ. Изъ этихъ инструкцій видно, что въ Голландію для науки архитектурной были посланы Иванъ Мордвиновъ, Афанасій Грекъ и Иванъ Мичуринъ, а въ Брабантію—Иванъ Коробовъ. «Изъ всѣхъ этихъ лицъ, пишетъ Петръ, отъ Ивана Коробова получилъ я письмо», которое, очевидно, его порадовало; Коробовъ пишетъ, «что въ Брабантіи никакой архитектурѣ научиться нельзя и что онъ время такъ теряетъ». Письмо это очень понравилось Петру, потому что оно объясняетъ, что въ Брабантіи никакихъ новыхъ зданій не строится, а старыя постройки и въ рисункѣ можно видѣть. И вотъ это письмо такъ заинтересовало Петра, что онъ пишетъ агенту: «я васъ для того и дѣлаю надзирателемъ надъ всѣми этими молодыми людьми. Вы ихъ всѣхъ соберите въ Голландію, чтобы они работали понятно и чтобы въ точности изучали монеръ городской архитектуры, а особливо часть фундамента, которая нужна здѣсь, ибо равную ситуацію имѣютъ для низости воды и для тонкости стѣнъ». Для архитектуры уровень и высота подпочвенныхъ водъ чрезвычайно важны. Но въ то время у голландскихъ архитекторовъ не могли изучать этого предмета, потому что уровень воды дѣйствительно опредѣляетъ планъ самой постройки, какъ убѣдились теперь. Но эта работа новая, къ которой пришли путемъ серьезныхъ изслѣдованій и которая опредѣляетъ и разъясняетъ, почему масса людей заболѣваетъ и умираетъ. Это новое стремленіе только общимъ образомъ входило относительно низменности воды и тонкости стѣнъ и весьма интересовало Петра, который далѣе пишетъ: «чтобы ихъ (т. е. молодыхъ людей) обучали строенію огородовъ, какъ ихъ размѣривать и укрѣплять. И еще: чтобы на шлюзное дѣло обратили вниманіе, потому что шлюзы мнѣ очень потребны». Это свидѣтельствуетъ о дѣятельности самого законодателя, стремившагося скорѣе получить экспертовъ. Но нельзя получить архитектора, который только бы смотрѣлъ, какъ дѣлаютъ шлюзы; надо,

чтобы онъ имѣлъ образованіе архитектурное. Но Петру хотѣлось получить хоть такихъ экспертовъ, и эта мысль не ослабѣвала до Екатерины II. И такъ, относительно личнаго состава затрудненій было меньше, чѣмъ относительно денегъ. Это можно видѣть по разряду казенныхъ зданій, съ которыми пришлось Петру встрѣтиться.

1) Тюрьмы.

Первый разрядъ зданій казенныхъ, въ началѣ XVIII столѣтія, былъ тюрьмы, которыя Петръ считалъ дѣломъ казны. Тюрьмы, вообще,—вопросъ весьма любопытный, а въ исторіи архитектуры—въ особенности, потому что самъ по себѣ вопросъ не симпатичный и этимъ, можетъ быть, объясняется то, что эти отвратительные средневѣковые крѣпости и казематы, возникшіе изъ указаній церкви и міра инквизиціи, оставили XVIII столѣтію наслѣдство весьма плохое. Когда возбудился вопросъ о тюрьмахъ, какъ о новомъ учрежденіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, то архитектура и вся вообще постройка тюремъ представляется явленіемъ любопытнымъ. Эта часть успѣла гораздо меньше, чѣмъ какая либо изъ общественныхъ и казенныхъ построекъ, и объясняется это естественнымъ отвращеніемъ человѣка обдумывать, какъ другаго человѣка заключить такъ, чтобы онъ только не умеръ и чтобы отстранить его отъ всѣхъ остальныхъ человѣческихъ движеній. Конечно, въ техническомъ отношеніи есть порядочныя тюрьмы, которыя имѣются въ Западной Европѣ, но всѣ онѣ производятъ впечатлѣніе такое, что это самыя худшія изъ всѣхъ наилучшихъ тюрьмъ, какія существуютъ въ Европѣ, какъ, напримѣръ, германскія и французскія. Всѣ тюрьмы и ихъ планы представляютъ что-то затруднительное, вымученное для человѣческаго ума, и это объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ художества человѣка прельщаетъ самая тема художества; но такая тема, какъ заключеніе, не можетъ прельстить человѣка, и потому всѣ тюрьмы представляются весьма неудовлетворительными. Въ началѣ XVIII столѣтія, вопросъ о тюрьмахъ былъ чрезвычайно важный, потому что спросъ на тюрьмы все увеличивался. Такъ, напримѣръ, современники Петра указываютъ, что отъ нищихъ въ Россіи и отъ голодныхъ бродягъ прохода нѣтъ. Тюрьма, какъ печальная необходимость, въ каждой странѣ вмѣстѣ съ тѣмъ должна при самой постройкѣ выходить изъ такого начала, что количество поселяющихся въ ней должно быть невелико. Весь складъ жизни

былъ такой, что несчастныхъ, совершившихъ преступленія, было сравнительно немного. Но въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи происходилъ переворотъ въ судопроизводствѣ, который вызвалъ спросъ на тюремныя помѣщенія. Одинъ изъ умнѣйшихъ современниковъ Петра представляетъ довольно интересныя указанія въ этомъ отношеніи: «тюремъ не настроиться въ Россіи по той причинѣ, что обычай полицейскій того времени и обычай суда наполнялъ тюрьмы громаднымъ количествомъ людей совершенно напрасно». Это—свидѣтель, которому нельзя отказать въ большомъ умѣ и очень тонкомъ пониманіи современныхъ ему событій, Иванъ Посошковъ; который въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» касается вопроса: почему въ Россіи такой спросъ на тюремное заключеніе? и касается совершенно справедливо, потому что при Петрѣ, ради правительственныхъ соображеній, развито было сказаніе за собой «государева слова и дѣла», вслѣдствіе чего пойманный въ чемъ нибудь человѣкъ объявлялъ государево слово и дѣло; тогда его процессъ пріостанавливался до тѣхъ поръ, пока его не отправятъ въ особое судилище, въ преображенскій приказъ, гдѣ онъ и объясняетъ это дѣло. А когда объяснитъ, то весь его интересъ въ томъ, чтобы запятнать какъ можно больше людей, а когда ихъ заберутъ, то пока снимется допросъ, онъ надѣется убѣжать изъ тюрьмы. Вотъ одно обстоятельство, которое увеличивало количество подсудимыхъ, а слѣдовательно и спросъ па тюрьмы. Другое обстоятельство, увеличивающее спросъ на тюрьмы, было развитіе доносовъ. Доносъ, по самому законодательству Петра, долженъ былъ быть общею добродѣтелью; каждый долженъ былъ доносить на другаго,—отсюда развратъ общественный въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, который вызывалъ чрезвычайный доносъ, а нравственное паденіе извращаетъ административную практику, и такъ что при Петрѣ поймать человѣка, чтобы послать его въ тюрьму, ничего не значитъ, и каждый ничтожный органъ исполнительный хватаетъ и отправляетъ въ тюрьму. По этому поводу Посошковъ, какъ крестьянинъ, все сводившій на хлѣбъ, разсказываетъ, что въ 1719 году сыщикъ Ислентьевъ встрѣтилъ въ Костромѣ у тамошняго кровельщика двухъ плотниковъ на работѣ и спросилъ у нихъ паспорты, но паспортовъ надлежащихъ у нихъ не оказалось, а въ то время создавалась цѣлая система паспортовъ; народъ ненавидѣлъ эти паспорты и даже никто не зналъ въ точности, на какое разстояніе надо взять какой паспортъ, но для полиціи это-то и было весьма удобно. И вотъ сыщикъ схватилъ этихъ двухъ плотни-

ковъ, и такъ какъ у нихъ не было паспортовъ, то послалъ ихъ въ Новгородъ; тамъ судья кинулъ ихъ въ тюрьму и одинъ изъ нихъ просидѣлъ въ тюрьмѣ годъ и умеръ, а другой два года сидѣлъ и едва-едва черезъ два года подъ росписку его освободили. «И такъ, говоритъ Посошковъ, многое множество русскаго народа безъ разсмотрѣнія сидитъ въ тюрьмахъ и отъ голода и разныхъ болѣзней въ нихъ погибаетъ». Это свидѣтельство совершенно справедливо. Совершенно искусственный спросъ появился на тюремныя помѣщенія, потому что вовсе не нужно было такой массы садить въ тюрьмы, какъ это было въ началѣ царствованія Петра. Тюрьмы были у насъ и въ московскомъ періодѣ, но тогда вырывали яму, накладывали въ нее кой-какіе сѣнники и туда сажали колодниковъ. По московскимъ порядкамъ, никто не кормилъ ихъ, да не только ихъ, но и стражу, которая сторожила эти ямы. Стража выходила съ колодниками каждый день на торгъ и тамъ подавали имъ подаяніе. Въ такихъ тюрьмахъ колодники могли разбѣгаться, и сами сторожа, которые стояли при тюрьмахъ, покормятся, покормятся на рынкахъ, да потомъ вмѣстѣ съ колодниками и бѣгутъ. Такимъ образомъ и появилось столько непомнящихъ родства; такіе бѣглые стали называться бродягами и пользовались привиллегіею подвергаться тѣлесному наказанію въ тѣхъ видахъ, что конечно, вспомнитъ родство, если будетъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Петръ заботился о постройкѣ хорошихъ тюремъ, и эти заботы чрезвычайно любопытны. Конечно, отъ однѣхъ заботъ тюрьмы не построятся; у народа тогда денегъ не было; а государство и болѣе полезныхъ, чѣмъ тюрьмы, учрежденій построить не можетъ. Тогда Петръ повелѣваетъ во всѣхъ городахъ тюрьмы учинить, а земскимъ бургомистрамъ распоряжаться постройкою тюремъ изъ государственныхъ денегъ, которыя окажутся въ числѣ сборныхъ денегъ свободными. Бургомистры должны были построить прямою цѣною безъ передачи, потому что Петръ зналъ, что казенныя постройки всегда оказывались чрезвычайно дорогими, потому что передаютъ одинъ другому. Оцѣниваютъ, сколько стоитъ постройка, находится подрядчикъ и строитъ, а что онъ построитъ,—изъ Москвы ѣдутъ свидѣтельствовать, а такъ какъ въ Москвѣ все сваливалось, то и казенныя зданія принимали, и вмѣсто хорошаго зданія принимали воеводскую избу изъ щепокъ. Сколько бы у бургомистровъ не было денегъ, но ихъ никогда не хватало, потому что государственные порядки у насъ были особаго рода,—въ обращеніи денегъ было мало, такъ что Петръ самъ начеканилъ низкопробныхъ денегъ, а

въ началѣ его царствованія подати платили и хлѣбомъ, овсомъ и т. п. Если нужно было что-либо строить, а денегъ не было, то земскіе бургомистры выходили очень просто изъ всѣхъ распоряженій, которыя шли изъ ненавистнаго имъ Петербурга. Стоило только поручить дьяку, который со всѣми петербургскими реформами сладить можетъ. Бургомистры не строили тюремъ, никогда ни одного бревна не притащили, но дьяки вѣдомости стали писать, что тюрьмы строятся; а стоитъ только послать вѣдомости—и дѣло сдѣлано, потому что когда-то ихъ прочтутъ и когда-то ихъ разберутъ, — пройдетъ нѣсколько лѣтъ, а тюрьмы могутъ быть и не построены.

Петръ, устраивая городовые магистраты, не рѣшился возложить на нихъ постройку тюремъ, потому что тюрьма считалась дѣломъ казеннымъ,—изъ казенныхъ источниковъ и нужно строить. Магистратамъ же Петръ поручилъ строить цухтгаузы, хотя они и ничего не построили, но все-таки имъ это указано было. Цухтгаузы не значатъ рабочіе дома, которые тогда въ Швейцаріи играли большую роль. Петръ же предписалъ магистратамъ, которые были устроены по германскимъ образцамъ, что всѣ города Россіи, по примѣру Европы, должны строить цухтгаузы, а для женщинъ—прядильные дома; но это не тюрьмы, а принудительные рабочіе дома, которые были различныхъ системъ. Петръ говоритъ: «смирительнымъ домамъ надлежитъ быть ради такихъ людей, которые суть непотребной жизни и невоздержны, яко сыновья, которые своимъ родителямъ и учителямъ являются непослушны и отъ злаго житія не престанутъ и ни къ чему доброму склонны не будутъ; подобно же и совершеннаго возраста, кои падутъ въ непотребность, коихъ уже никто въ службу не пріемлетъ, и гуляки, кои не могутъ трудиться, — таковыхъ всѣхъ надлежитъ садить въ смирительный домъ, гдѣ на какое время по слабымъ его поступкамъ будетъ достоинъ и послать его на работу. Прядильные дома для непотребнаго и неистоваго женскаго пола, который долженъ быть наказываемъ такимъ же образомъ». Значитъ, Петръ рѣзко отдѣляетъ эти дома заключенія отъ тюремъ. Послѣднія строились бургомистрами на счетъ казны. Но видя, что бургомистры не строятъ тюремъ, Петръ въ томъ-же году дѣлаетъ распоряженіе разобрать всѣхъ арестантовъ и раздѣлить ихъ такимъ образомъ: колодниковъ, которые провинятся въ разныхъ великихъ государственныхъ дѣлахъ, такихъ содержать въ гарнизонахъ; гдѣ расположены гарнизоны, тамъ при войскѣ держать, потому что войско можетъ удѣлить мѣ-

стечко; колодниковъ, которые отъ сената, сvнода, коллегіи и канцелярій будутъ писаться въ прочихъ дѣлахъ, такихъ содержать въ прежнихъ острогахъ; но такъ какъ ихъ много, то къ каждому прежнему острогу пристроить по казармѣ отъ сената, сvнода, коллегій и канцелярій. Когда это будутъ дѣлать — въ этомъ указѣ не видно; сказано только, что сенатъ, сvнодъ, коллегія и канцелярія должны построить къ острогамъ по казармѣ, но откуда будутъ выдаваемы деньги—этого не объяснялось, а штасъ конторъ коллегія дѣлала представленія, что у нея нѣтъ денегъ на разныя дѣла, потому что расходы въ теченіи царствованія Петра превышали доходы, и Петру при всякихъ расходахъ приходилось избирать чрезвычайныя средства. Такъ, между прочимъ, онъ сталъ бить низкопробную монету, но этимъ можно было помочь только нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ указѣ Петра было сказано, что при каждомъ острогѣ пристроить казарму, но какъ ее построить, деревянную или каменную—ничего этого въ указѣ не было высказано. Да главное, штатсъ-конторъ-коллегія заявляетъ, что денегъ нѣтъ. Этимъ объясняется, что въ слѣдующемъ году Петръ мелькомъ говоритъ, что остроги должны строить магистраты. Это была хитрость штатсъ-конторъ-коллегіи, чтобы исполнить указъ Петра; вѣдь самъ государь велѣлъ строить, мы, какъ вѣрноподданные, не смѣемъ отступать отъ приказа государя. Указъ этотъ былъ хитро составленъ. Петръ спрашиваетъ пунктами, напримѣръ, судей отъ юстицъ-коллегіи: вопросъ 1-й, магистратъ долженъ отвести для колодниковъ тюрьмы, т. е. магистратъ долженъ построить тюрьмы. Но оказалось, что никто ихъ не строилъ, да и не на что ихъ было строить. Приходила мысль, что только казна можетъ взять это дѣло на себя, потому что, когда взялись осматривать казенныя зданія въ Россіи и пріѣзжали съ докладомъ, что всѣ казенныя зданія разваливаются, то изъ сената посылалось приказаніе, что каждый губернаторъ и воеводская канцелярія должна накрѣпко смотрѣть, чтобы казенныя зданія не разрушились, а ежели какія придутъ въ вѣтхость, поддерживать ихъ починкою, посылая на это колодниковъ, а если ихъ будетъ мало, то нанимать добровольнымъ наймомъ. Но откуда взять денегъ, объ этомъ нигдѣ не говорилось.

Сохранился любопытный фактъ изъ начала царствованія Анны Ивановны. Росписаніемъ штатсъ-конторъ-коллегіи по сибирскимъ коллегіямъ указывалось издерживать по 20,000 руб. въ годъ на каждую изъ этихъ губерній, на всѣ канцелярскіе расходы, на постройку

и починку губернаторскихъ домовъ и на ремонтъ всѣхъ казенныхъ зданій. Но всѣхъ денегъ въ одинъ годъ не издерживали—значитъ деньги оставались, и московская канцелярія по отношенію къ одной изъ этихъ губерій нашла, что такъ какъ 8,000 р. не издержаны на потребности, то значитъ на эти деньги можно построить новое зданіе. Но потомъ показала, что неизвѣстно гдѣ эти 8,000 руб., и кончилось тѣмъ, что эти 8,000 руб. были только фиктивные, что ихъ не собрали съ народа, а потому ихъ и не оказалось. Да если-бы эти деньги и были, то ихъ не хватило-бы на постройку.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ дорогъ и его мало, а кирпичъ можно добыть, тамъ тюрьмы и всѣ казенныя зданія строились изъ кирпича. Вотъ одно только указаніе и притомъ уже, сравнительно, довольно позднѣйшее, такъ что если останавливаться на тюрьмахъ то можно прійти къ выводу, что въ первые годы XVIII столѣтія тюремъ вовсе не создавалось и не было вопроса о какой-либо системѣ ихъ постройки и хотя понятіе объ одиночномъ заключеніи уже существовало, но только въ монастыряхъ. Эти монастырскія тюрьмы,—куда отдавали подъ начало, представлялись похожими на европейскія тюрьмы тоже одиночное заключеніе и таже строгость содержанія. Но вѣдь это были тюрьмы дорогія, о которыхъ правительству Петра I нельзя было и помыслить за недостаткомъ средствъ.

ЛЕКЦІЯ V.

2) Дворцы и дворцовые дома.

Если насъ поражаетъ бѣдность и скудность средствъ, которыми въ началѣ XVIII столѣтія располагали для одного рода казенныхъ зданій, именно тюремъ, то съ другой стороны насъ поражаетъ извѣстное богатство средствъ и заботъ относительно другого рода казенныхъ зданій и прежде всего относительно дворцовъ, постройка которыхъ и заботы о которыхъ въ строительномъ и полицейскомъ отношеніи представляютъ большой интересъ. Тѣ специальныя силы, которыя полагались на постройку дворцовъ вліяли на методъ постройки всякаго рода зданій въ началѣ XVIII столѣтія, какъ въ новыхъ столицахъ, такъ и внутри Россіи, потому что то, что дѣлалось въ смыслѣ построекъ въ большихъ городахъ, стало передаваться въ малые центры.

Исторія дворцовыхъ построекъ представляетъ интересъ въ дѣлѣ исторіи русской архитектуры въ томъ отношеніи, что сохранились акты, изъ которыхъ можно вывести во первыхъ, цѣны на припасы и во вторыхъ, цѣны на работы.

Такимъ образомъ матеріалы относительно постройки дворцовъ даютъ новые матеріалы для исторіи цѣнъ и, въ этихъ видахъ, я могу предложить тему для самостоятельной работы по изслѣдованію исторіи цѣнъ въ началѣ XVIII столѣтія. Фактовъ касающихся постройки дворцовъ я могу предложить не мало, и если всѣ эти указанія сопоставить съ указаніями литературы англійской и съ указаніями, которыя находятся въ нѣкоторыхъ новыхъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ по исторіи цѣнъ, то это представитъ любопытныя изслѣдованія въ общемъ разсмотрѣніи и рабочаго вопроса, и строительнаго дѣла. Кромѣ того, постройка дворцовъ находится въ тѣсной связи съ исторіей Петербурга и здѣшнее городское самоуправленіе—городская дума, чрезвычайно заинтересована въ послѣднее время тѣмъ, чтобы

имѣть исторію Петербурга и даже предлагала премію за лучшее сочиненіе по этому предмету, но потомъ отказалась отъ этого, зная, что весь матеріалъ исторіи Петербурга и его построекъ находится еще въ архивахъ. Но если и по отдѣльнымъ частямъ будетъ разработана эта исторія, то она представитъ большой интересъ для обывателей Петербурга и для городскаго представительства.

Въ исторіи дворцовыхъ построекъ заключается не мало новыхъ матеріаловъ, совершенно не изслѣдованныхъ, и я буду имѣть честь прослѣдить всю литературу, которая представитъ всю исторію города. Недавно получился любопытнѣйшій матеріалъ, по отношенію къ казеннымъ и въ частности дворцовымъ постройкамъ, который находился въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и который въ 1852 г. увеличился изъ соединенія архивовъ разряднаго вотчиннаго и старинныхъ дѣлъ. Къ разборкѣ этихъ дѣлъ приступили въ то время, когда директоромъ этого архива былъ Ивановъ. Онъ отобралъ цѣлый списокъ дѣлъ, касающихся кратковременнаго царствованія или лучше сказать правленія Россіею, въ царствованіе Іоанна Антоновича. Эти дѣла были отнесены къ числу дѣлъ секретныхъ, и такъ какъ дѣлъ этихъ накопилось много и, онѣ лежали въ безпорядкѣ, то начали портится. Тогда изъ министерства юстиціи получилось предписаніе дѣла эти уничтожить, т. е. сжечь. Въ то время директоромъ архива министерства юстиціи былъ Калачевъ, который, увидѣвъ эти дѣла, представилъ министру юстиціи, что тамъ находятся замѣчательнѣйшія данныя для науки и что уничтожить эти дѣла—значитъ лишить русскую историческую науку весьма драгоцѣннѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ фактовъ. Тогда министръ юстиціи представилъ объ этомъ императору Александру II, который повелѣлъ дѣла эти привести въ систематическій порядокъ и издать въ свѣтъ «для пользы науки», какъ было выражено въ въ Высочайшемъ повелѣніи. Вотъ вслѣдствіе этого въ 1880 г. появилась первая книга, напечатанная Калачовымъ по этимъ матеріаламъ и изданная московскимъ архивомъ подъ названіемъ «Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 по 25 ноября 1741 г.» Если раскрыть эту книгу, то тамъ встрѣтится описаніе дворцовъ, домовъ и дворовъ дворцовыхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Ревелѣ. Это описаніе 1740 года совершенно точно и несомнѣнно, потому что представляетъ доклады коммисіи, вслѣдствіе построекъ, которые были туда представлены, которая завѣдывала придворными постройками. Кромѣ того тутъ-же имѣются драгоцѣннѣйшіе матеріалы въ видѣ договоровъ съ подрядчиками, въ которыхъ есть и цѣны на

матеріалы и цѣны на рабочія руки по отношенію къ тому-же вопросу дворцовыхъ построекъ. Если эти данныя сопоставить съ нѣкоторыми несомнѣнными свидѣтельствами относительно первыхъ шаговъ Петра I въ дѣлѣ постройки дворцовъ, то получится чрезвычайно важное изслѣдованіе дворцовыхъ построекъ и если эти изслѣдованія сопоставить съ другими казенными зданіями, то можетъ получиться нѣчто цѣлое относительно того момента строительной полиціи, т. е. что постройка казенныхъ зданій могла повліять на постройки вообще. Эти данныя на первый разъ можно сопоставить съ имѣющимся у насъ первымъ описаніемъ Петербурга 1754 года Богданова, гдѣ онъ даетъ свидѣтельство о дворцахъ. Кромѣ того, есть другое описаніе Петербурга весьма драгоцѣнное изъ всей массы описаній, которыя имѣются у насъ—это описаніе одного нѣмца который былъ въ Петербургѣ въ 1710 и 1711 г.г. и который представилъ описаніе Петербурга на нѣмецкомъ языкѣ въ двухъ изданіяхъ. Хотя это описаніе представляетъ рѣдкость, но въ 1860 г. здѣшняя публичная библіотека получила этотъ экземпляръ изъ-заграницы. Изъ исторіи петербургской публичной библіотеки видно, что она остановилась на системѣ собрать въ Европѣ все, что только касалось Россіи на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Въ то время директоромъ библіотеки былъ баронъ Корфъ, который имѣлъ возможность привести это въ исполненіе, такъ какъ исходатайствовалъ отъ правительства значительный кредитъ и такимъ образомъ масса драгоцѣнныхъ книгъ была тогда привезена изъ Европы, въ числѣ которыхъ былъ и вышеупомянутый экземпляръ описанія Петербурга. Публичная библіотека, только что получившая этотъ экземпляръ и имѣя въ своей средѣ Бычкова, тотчасъ-же издала книгу, но въ весьма незначительномъ количествѣ экземпляровъ, только для занимающихся изученіемъ русской исторіи. Но такъ какъ это описаніе Петербурга весьма интересно для сопоставленія съ нѣкоторыми данными, то нельзя не благодарить издателя «Русской Старины», который исходатайствовалъ дозволеніе перепечатать это изданіе на страницахъ своего журнала, и въ «Русской Старинѣ» съ октября нынѣшняго года началось печатаніе описаніе Петербурга 1710—1711 г., и хотя это описаніе даетъ весьма краткія указанія, но будучи сопоставлено съ тѣмъ матеріаломъ, который напечатанъ московскимъ архивомъ, оно представляетъ данныя довольно положительныя. Въ Московскомъ архивѣ относительно дворцовъ мы находимъ по преимуществу дѣла, которыя въ это короткое царствованіе совершались въ томъ присутственномъ мѣстѣ, которое было

устроено для построекъ въ Россіи вообще и въ частности для казенныхъ построекъ, такъ называемой канцеляріи о строеніи, архивъ которой весь попалъ въ архивъ министерство юстиціи.

Въ XVIII столѣтіи въ присутствіи, которое завѣдывало строительной частью, Петръ открылъ канцелярію казенныхъ дѣлъ, которая замѣнила собой старый московскій каменный приказъ. Очень неопредѣленная была программа дѣятельности этой канцеляріи и въ концѣ своего царствованія Петръ преобразовалъ ее подъ именемъ «Канцелярія о строеніи». Въ совершенно особенныхъ условіяхъ находился тогда Петербургъ, сравнительно съ другими столицами государствъ. Она и по плану великая должна была создаться, и для созданія ея Петръ прибѣгъ къ старой московской системѣ: требовать отъ всѣхъ рабочей силы; но отъ работъ на московское правительство наши мастера, т. е. артели, которые жили въ селахъ, обыкновенно, уклонялись, потому что казна денегъ не доплачивала, а главное, чего не любили русскіе мастера—это, что въ Москвѣ дѣйствуютъ иноземные мастера. которые, конечно, дѣла не понимаютъ. Этимъ объясняется, что въ XVII столѣтіи всѣ рабочія артели уклонялись отъ правительственныхъ работъ. Чтобы понудить ихъ являться на работу, Москва вотъ къ чему прибѣгала: объявлялся царскій указъ, что изъ такихъ-то селъ немедленно идти на такія-то работы, и брали заложниковъ: изъ такихъ-то селъ надлежитъ воеводѣ или приставу воеводскому взять заложниковъ и тащить ихъ въ Москву; освобождали этихъ заложниковъ только тогда, когда артель встанетъ на работы. Ко всему привыкали въ Россіи и къ этому привыкли. И когда Петръ сталъ строить Петербургъ, то онъ прибѣгнулъ къ такой-же мѣрѣ: потребовалъ со всей Россіи каменьщиковъ и другихъ рабочихъ и идутъ и должны идти эти рабочіе по старой московской системѣ. «Канцелярія о строеніи» должна была вѣдать всѣхъ подрядчиковъ и казенныхъ дѣлъ мастеровъ. Это дѣло представлялось тогда дѣломъ ужасной трудности, являлась масса затрудненій, негдѣ было помѣстить рабочихъ, построятъ что нибудь—смотришь сейчасъ же сгоритъ, опять негдѣ помѣщать. Къ этому присоединилась еще чума, которая, къ счастію, до Петербурга не дошла, но свирѣпствовала въ Ригѣ. Смертность была ужасная, продовольстіе не было обезпечено, и вотъ здѣсь-то исторія цѣнъ очень любопытна. Путешественники показываютъ, что жить невозможно въ Петербургѣ отъ дороговизны, а цѣны, которыя получали рабочіе, если ихъ сопоставить съ цѣнами, которые были въ Бранденбургѣ и Англіи, нужно думать, что цѣны

эти были изумительно дешевы, можетъ быть потому что самыя цѣны не вполнѣ были свободны. Можетъ быть канцелярія строеній, заключая договоры съ приказщиками и казенныхъ дѣлъ мастерами могла руководиться реальными полномочіями. Эта канцелярія, которая дѣйствовала при Петрѣ, впослѣдствіи при Аннѣ Іоанновнѣ была преобразована въ отдѣльную коммисію отъ строеній, которая должна была дѣйствовать подъ вѣдѣніемъ кабинета Ея Величества. Царствованіе Анны Іоанновны и кратковременное царствованіе послѣ ея Іоанна Антоновича отличаются самыми смѣлыми и самыми обширными постройками. Денегъ нѣтъ у государства на весьма существенныя нужды, а постройки идутъ громадныя. Любопытенъ составъ этой коммиссіи отъ строеній: предсѣдатель тайный совѣтникъ баронъ Минихъ, члены сенаторы графъ Головкинъ, Нарышкинъ и Измайловъ, оберъ-кригсъ-коммисаръ Соймоновъ, артиллеріи совѣтникъ Унковскій, архитекторъ Петръ Еропкинъ и фортификаціи маіоръ Рухъ. Очевидно коммиссія эта была составлена не изъ спеціалистовъ, а гдѣ нѣтъ спеціалистовъ тамъ непремѣнно царитъ канцелярія, и канцелярія дѣйствительно посылала на работы.

Если разобрать дѣла этой канцеляріи, то техникъ изумится, какимъ образомъ эта коммисія могла предпринимать такія громадныя постройки. Но канцелярія этой коммисіи отлично распоряжалась; она говоритъ, что для этой коммисіи, которая находится подъ вѣдѣніемъ Ея Величества и подъ контролемъ правительствующаго сената—все дѣло будетъ въ перепискѣ, а технику отдать знающимъ людямъ. И дѣйствительно изъ актовъ мы видимъ, что въ одномъ изъ придворныхъ зданій помѣщается контора, которая представляетъ какъ-бы школу академіи художествъ, помѣщается она подъ комнатой оберъ-архитектора Растрелли, который передаетъ туда всѣ свои рисунки, и пособія и какіе то молодые люди работаютъ въ этой конторѣ—дѣлаютъ чертежи. Изъ всего этого, видно какую массу давленій оказываетъ на этихъ молодыхъ людей русскій дьякъ, засѣдающій въ канцеляріи коммиссіи о строеніи. Дьяки сами говорили: развѣ мы смыслимъ что-нибудь въ дѣлѣ, мы одно можемъ смыслить, какимъ образомъ счеты подвести и условія о неустойки заключить—вотъ это мы смыслимъ. Изъ этого очевидно, что канцелярія этой коммиссіи раздѣляла дѣла, и дѣйствительно архивъ представляетъ только сухую денежную часть и описаніе, но и за-то можно благодарить канцелярію того времени, что она передаетъ черезъ поручика, чтобы каждый маіоръ вѣдомость представилъ въ

какомъ положеніи находятся зданія. И маіоры представляютъ вѣдомости. Вотъ эти-то описанія и сохранились въ архивѣ и представляютъ интересъ для строительной полиціи.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ зданій мы видимъ, что щедрость въ постройкѣ дворцовъ была весьма существенна,—вѣдь новая столица устраивалась, слѣдовательно Петру и для себя нужны были эти дворцовыя зданія, да и все хозяйство нужно было перевести изъ Москвы въ Петербургъ. Положимъ Петръ велъ дѣло иначе, но все-таки московскіе порядки сохранились и при немъ. Тѣ большіе дворы, какъ напримѣръ, хлѣбный, житный и сытный, гдѣ вся казенная провизія сохраняется, изъ котораго можно кормить придворныхъ слугъ—этого ничего нѣтъ въ Петербургѣ, все это нужно строить и строить по московскимъ началамъ. Въ Москвѣ были патріархальныя начала, стоило только такіе-то дворы приписать къ дворцовымъ, чтобы эти дворы везли хлѣбъ. Но въ Петербургѣ не то, тамъ и хлѣбъ нельзя было достать такъ легко, да Петру и самые порядки эти не нравились. Для себя Петръ строилъ очень небольшіе дворцы, но онъ пожелалъ, чтобы все царское семейство переѣхало въ Петербургъ и это было еще до того момента, когда онъ окончательно убѣдился, что Петербургъ будетъ столицей, а это убѣжденіе явилось только послѣ полтавскаго сраженія. Тогда онъ окончательно потребовалъ, чтобы вся знать московская перевалила въ Петербургъ, чтобы всѣ его министры и все управленіе переѣзжало въ Петербургъ. Но это только послѣ полтавской битвы и постройки начались послѣ 1709 г. Сохранилось его письмо изъ Полтавы. Послѣ полтавской битвы Петръ пишетъ Апраксину: «нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Петербурга положенъ съ помощію Божіею». Вслѣдъ за этимъ письмомъ всѣ его распоряженія идутъ о томъ, чтобы все переѣзжало быстрѣе въ Петербургъ. Но какъ это сдѣлать? Большое затрудненіе было помѣстить вдовствующую царицу Прасковью Ѳеодоровну. Начали строить для нее палаты, но онѣ не были готовы. Когда Она прибыла въ Петербургъ, ее помѣстили въ домѣ губернатора, который на другой день сгорѣлъ. Распоряженія Петра представляются чрезвычайно интересными. Петровскія дворцовыя постройки были очень миніатюрны. Та часть Петербурга, которая теперь получила названіе Петербургской Стороны, называлась тогда Финляндской Стороной и давно уже была извѣстна въ нашихъ актахъ подъ именемъ Кореліи. Новгородскіе акты называютъ эту землю Корельской Землей, а самая Корелія на Финляндской Сторонѣ расположена. И вотъ на этой-то

Финляндской Сторонѣ Петръ построилъ для себя небольшой деревянный домъ, очевидно, въ то время, когда онъ сталъ перестраивать крѣпость изъ земляной въ каменную. Этотъ деревянный домикъ—«Домикъ Петра» (сохранившійся до сихъ поръ, какъ святыня Петербурга) очень ему нравился, но былъ временной. Послы, напримѣръ, не называли этого домика резиденціею русскаго царя. Подлѣ него былъ устроенъ другой деревянный домикъ, очень близко стоявшій, куда онъ помѣстилъ Меньшикова; этотъ домикъ вскорѣ срыли. Онъ былъ построенъ въ родѣ церкви, всѣ смотрѣли и изумлялись ему, вѣроятно это была деревянная палатка съ освѣщеніемъ сверху. Рядомъ съ своимъ домомъ Петръ расположилъ нѣсколько палатъ для своего царскаго семейства. Самъ онъ здѣсь жилъ не долго, потому что устроилъ свою резиденцію въ лѣтнемъ дворцѣ. Относительно этого послѣдняго существуютъ нѣкоторыя недоразумѣнія. Есть указанія, что Петръ жилъ не долго въ домикѣ и потомъ зимній дворецъ себѣ построилъ, такъ что домикъ оставался только для его пріѣзда на Финляндскую Сторону. Онъ сильно стремился въ Ингерманландію, гдѣ и построилъ себѣ большой дворецъ, о которомъ очень заботился и который стоилъ ему не мало денегъ. Хотя цифръ и не сохранилось, но въ описаніи 1740 г. рѣчь идетъ о большомъ дворцѣ, но уже о передѣлкѣ его, и сколько стоитъ ему большой дворецъ, объ этомъ данныхъ не сохранилось. Но существуетъ другое мнѣніе: не было ли здѣсь первоначально маленькаго дворца и потомъ уже построился большой дворецъ. Въ старѣйшемъ описаніи Петербурга, которое находится въ архивѣ морскаго министерства, имѣется указаніе, что Петръ построилъ небольшой домикъ въ саду, пестро раскрашенный, съ золоченными оконными рамами и свинцовыми орнаментами. Изъ другаго описанія видно, что «въ 1700 г. такого-то числа Петръ Великій охочихъ людей звалъ бить сваи для своего большаго дворца». Сопоставить всѣ эти свидѣтельства и рѣшить вопросъ о какомъ дворцѣ идетъ рѣчь—это дѣло исторической критики. Богдановъ даетъ свидѣтельство, которое не совпадаетъ съ тѣмъ свидѣтельствомъ, что въ 1711 г. этотъ большой дворецъ могъ уже существовать. Такъ напримѣръ, въ актахъ сообщается, что принадлежности дворца были очень большія и дорогія для того времени, потому что было нѣкоторое стремленіе къ роскоши. Неподалеку отъ дворца былъ поставленъ большой домъ для придворной прислуги и походная царская кухня. Лѣтній садъ раздѣленъ былъ на три сада: первый садъ, гдѣ помѣщался дворецъ, второй садъ, гдѣ помѣщались пакгаузы и, нако-

нецъ, третій садъ по Фонтанкѣ дальше. Постройки Петра были въ первомъ Лѣтнемъ саду ,гдѣ онъ поставилъ большой домъ «съ фонтаннымъ снарядомъ». Это былъ извѣстный домъ, потому что иностранные путешественники его описывали. Фонтанный снарядъ никакъ не удавался Петру, очевидно онъ самъ руководилъ его постройкой. Онъ поставилъ огромное колесо, которое должно было приводиться въ движеніе руками, изъ чего можно заключить, что постройка была не очень хитрая. Но Петръ возился съ этимъ дворцомъ и рядомъ съ нимъ поставилъ звѣринецъ, слѣдовательно было стремленіе къ роскоши. Затѣмъ слѣдовалъ домъ для прислуги и небольшая караулка для войска, въ которой помѣщался небольшой пикетъ для караула.

Лѣтній садъ разбитъ былъ очень хорошо и стоилъ чрезвычайно дорого. Деревья Петръ получалъ изъ Польши. Есть другое указаніе, что онъ самъ привозилъ деревья изъ Митавы. Кромѣ того онъ выписывалъ деревья изъ Англіи и Голландіи—все это стоило чрезвычайно дорого. Положимъ, ему много презентовъ дѣлали. Голандцы даже изразцы привозили ему въ подарокъ, но все это стоило очень дорого. Любопытно, что цвѣты присылались изъ Алексѣевскаго села, изъ подъ Москвы; но оранжереи и фонтаны были его страстью. И такъ какъ первый фонтанъ ему не удавался, то онъ добился другаго фонтана. Онъ вырылъ въ самомъ саду гротъ и изъ грота билъ фонтанъ, который чрезвычайно тѣшилъ Петра.

Изъ всего этого видно, что отдѣлка этого дворца была порядочная, и онъ назывался резиденціею Петра. Какъ только онъ выстроилъ этотъ дворецъ, появился вопросъ, а какъ-же кормиться? кухня есть, а корма никакого нѣтъ. Среди походовъ Петръ не заботился объ этомъ, но когда столицу началъ строить, то надо было порядки изъ Москвы перевести. И вотъ на другой сторонѣ Фонтанки былъ построенъ запасный дворъ: довольно большое—и какъ свидѣтельствуютъ иностранные путешественники—безобразное зданіе. Это большой деревянный домъ съ мезониномъ, гдѣ должны были храниться всѣ запасы для царской кухни. Но откуда ихъ получить—это былъ вопросъ трудный, а запасы все-таки нужно было имѣть. Тогда онъ повелѣлъ за этимъ запаснымъ дворомъ разбить большой огородъ; приставилъ шведа въ огородники и строго запретилъ покупать овощи для царскаго стола, а приказалъ пользоваться овощами этого огорода. Огородъ этотъ чрезвычайно интересенъ въ военномъ дѣлѣ: шведъ огородникъ защищалъ его во время нападенія своихъ соотечественниковъ и въ этомъ огородѣ сохранились

слѣды укрѣпленій. Все это показываетъ, что новые порядки, которые Петръ хотѣлъ ввести, были несовершенно московскіе. Въ актахъ объ этомъ Лѣтнемъ дворцѣ имѣются сообщенія, и онъ называется старый Лѣтній дворецъ, и въ донесеніи перечисляются покои и кто живетъ въ немъ. Это было въ 1740 г., въ тотъ моментъ, когда еще Биронъ не былъ свергнутъ. Въ этомъ лѣтнемъ дворцѣ помѣщается антикамора, въ которой принимались послы; потомъ оберъ-канцелярскій покой и десять покоевъ герцога курляндскаго Бирона; потомъ четыре покоя его сына, потомъ двѣ комнаты португальскаго доктора, который былъ въ 1740 г. выписанъ для Петербурга, и наконецъ, нѣкоторыхъ фрейлинъ. Вотъ сколько народу было набито въ этомъ дворцѣ въ 1740 г. и между прочимъ оказывается, что сюда-же велѣно перевести оружейную палату, но какую, московскую или что-либо другое, изъ этого донесенія не видно. Видно только, что такъ какъ правительство Анны Леопольдовны стремились къ разнымъ улучшеніямъ въ дѣлѣ построекъ, то и этотъ дворецъ повелѣно было переустроить. Состоялся приказъ графа Левенвальда о томъ, что правительство повелѣваетъ на самую Неву отъ этого дворца вывести галлерею, которую, какъ видно, не умѣли вывести. Сказано было сломать временное устройство деревянное, которое за дворцомъ выходило на Неву и построить галерею; и велѣно это было архитектору Замкову и мастеру Болесу, съ которыми и заключить договоръ. Изъ договора этого видно, что цѣны незначительны, постройка небольшая, неважная, что видно по количеству бревенъ и досокъ. Интересно, что не смотря на отсутствіе денегъ при Аннѣ Леопольдовнѣ перестроили многіе дворцы: большой зимній, новый лѣтній и еще приказано вновь построить галерею на Невѣ.

Лѣтняя резиденція Петра указываетъ на зимнюю его резиденцію; въ лѣтній дворецъ онъ пріѣзжалъ только на лѣто, но зиму онъ въ этомъ дворцѣ не жилъ. Зимняя его резиденція была въ домикѣ на Финляндской сторонѣ, а потомъ онъ построилъ себѣ новый зимній дворецъ, и вотъ какимъ образомъ. Видя, что все иноземное стало селиться противъ крѣпости, на Ингерманландской сторонѣ, Петръ облюбовалъ это мѣсто и въ нѣсколькихъ сотняхъ шагахъ отъ своего лѣтняго дворца, черезъ лѣсъ и лугъ, поставилъ пакгаузъ, т. е. кабакъ, съ тремя галлереями, въ которыхъ давалъ празднества, собиралъ свои ассамблеи. Но описаніе указываетъ, что это самый плохой пакгаузъ, потому что никакъ нельзя было добиться вина. Потомъ Петръ обратилъ этотъ пакгаузъ въ почтовый

дворъ, и въ этомъ почтовомъ дворѣ, за неимѣніемъ лучшаго помѣщенія, Петръ справлялъ свои имянины и въ 1710 году—годовщину полтавскаго боя. Это было въ томъ пунктѣ, гдѣ теперь стоитъ мраморный дворецъ. Этотъ пунктъ очень понравился Петру, потому что сюда стали селиться иноземцы, по всей той улицѣ, которая набережной не имѣла и называлась слобода Ингерманландская или Нѣмецкая, а теперь называется Милліонная. И вотъ тутъ-то, разсказываетъ описатель Петербурга 1710 года, стали строить много домовъ, но первоначально все русской плохой архитектуры; по другимъ даннымъ, есть извѣстіе, что строили также палатки. Строили эти русскія постройки нѣмцы, а потомъ изъ этого стали выстраиваться хорошіе дома. И вотъ между ними Петръ построилъ себѣ дворецъ голландской архитектуры, въ которомъ онъ жилъ зимой, и въ которомъ постоянно разныя придворныя установленія открываемы были. Дворецъ этотъ назывался старый зимній дворецъ и стоялъ на томъ пунктѣ, гдѣ теперь стоятъ Преображенскія казармы, и выходилъ на Милліонную и набережную. И этотъ дворецъ имѣетъ подробное описаніе въ 1740 году въ архивѣ министерства юстиціи. Это — вѣдомость, составленная поручикомъ Ламбекомъ въ придворную контору. Коммиссія отъ строеній требовала отъ придворной конторы донесенія, въ какомъ положеніи находится дворецъ, потому что въ томъ дворцѣ никто не жилъ изъ царскаго семейства. Въ вѣдомости этой перечисляется количество печей, каминовъ и очаговъ. Изъ этой вѣдомости можно видѣть, что возбудился вопросъ объ экономіи дровъ. Коммиссія отъ строеній, которая всѣмъ этимъ завѣдывала, находила, значитъ, напраснымъ отапливать это зданіе, потому что гдѣ казенныя зданія отапливаются, тамъ и похищается много. Или, можетъ быть, дьякамъ этой коммиссіи ничего не перепадало, вотъ они и потребовали узнать, какое количество дровъ выходитъ. Вѣдь извѣстно, что чиновники особенно ревниво охраняютъ, чтобы ихъ подчиненные нигдѣ не пользовались казенными источниками. Вотъ въ отвѣтъ на эти вопросы и появилась вѣдомость, изъ которой видно, что этотъ дворецъ старый, двухъ-этажный; въ нижнемъ этажѣ было 60 комнатъ и почти столько же въ верхнемъ. Въ нижнемъ этажѣ жилъ народъ все попроще; большею частью каждому придворному мастеру дается по одному покою, а тѣмъ, у кого больше учениковъ,—по два покоя, напримѣръ, часовщику 5 покоевъ и 9 печей. Тутъ живутъ и священникъ, и придворные пѣвчіе, и даже

одинъ архимандритъ, послѣднему назначены только два покоя и при этомъ одна печка и одинъ каминъ. Въ верхнемъ этажѣ живетъ народъ почище: пажи императрицы, комедіанты и музыканты, и между ними этотъ верхній этажъ и раздѣленъ. Но тутъ любопытно коротенькое указаніе, что въ большей части верхняго этажа контора открыта, въ которую подъ наблюденіемъ оберъ-архитектора Растрелли отправлялись къ рисованію чертежи домовъ и всякаго рода казенныхъ строеній, какъ говоритъ вѣдомость. Но тутъ не говорится, какимъ образомъ помѣщалась эта контора, сколько было учениковъ и откуда эти ученики набирались. Эти свѣдѣнія были бы очень интересны, такъ какъ это была своего рода академія художествъ. Но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, сколько покоевъ было отведено подъ эту контору. Она, очевидно, раздвигалась, когда было нужно: больше появлялось учениковъ,—можно было потѣснить музыкантовъ и дать новую комнату для конторы.

Этимъ ограничивались въ Петербургѣ дворцы для Петра. Для семейства царскаго нужно было строить другіе дворцы, для тѣхъ, которые жили въ Москвѣ—это вдовствующая царица Прасковья Ѳеодоровна (супруга царя Іоанна), съ дочерьми: Екатериною, Анною и Прасковьею. Тутъ была уже вдовствующая царица Марфа Матвѣевна (супруга царя Ѳеодора Алексѣевича) и сестры Петра: Анастасія, Марія, Феодосія. Всѣхъ ихъ надо было Петру вызвать въ свою новую столицу, но гдѣ ихъ помѣстить—этотъ вопросъ представлялся чрезвычайно труднымъ. Мы видимъ, что Петръ ихъ выписалъ въ Петербургъ, не смотря на ихъ слезныя моленія остаться въ Москвѣ въ 1708 г. и, конечно, при этомъ было нѣкоторое насиліе со стороны Петра. Есть свидѣтель, какимъ образомъ царское семейство появилось въ Петербургѣ. Этотъ свидѣтель—деньщикъ Петра, рукопись котораго подъ заглавіемъ «Наставительныя сказанія и рѣчи Петра Великаго» была напечатана въ 1842 г. Онъ обратилъ вниманіе на царское семейство, которое прибыло сначала въ Шлиссельбургъ, а потомъ на ладьяхъ доѣхало до Петербурга. Петръ встрѣтилъ ихъ въ Шлиссельбургѣ, а почетный пріемъ былъ сдѣланъ за четыре версты до Петербурга. И вотъ, когда генералъ-адмиралъ Апраксинъ принялъ ихъ на яхту, то открылась пушечная пальба, «со всего города стрѣляли изъ пушекъ» и Петръ говоритъ Апраксину: «я пріучаю семейство мое къ водѣ, чтобы не испугалось впредь моря и чтобы понравилось имъ это положеніе Петербурга, который весь въ водѣ, потому что кто хочетъ со мною жить,—непрестанно долженъ бывать на морѣ».

Эта перспектива не очень нравилась царскому семейству, привыкшему жить въ Москвѣ. Далѣе говорится, что Петръ принималъ свое семейство въ апрѣлѣ, значитъ, только-что разошлась Нева и время стояло холодное. Приняли ихъ сперва въ губернаторскіе старые хоромы, которые стояли у самаго города. Въ нихъ сдѣлана была остановка, и Петръ открылъ въ нихъ пиръ «и зело веселился Его Величество» и возвратился домой въ полночь, а вдовствующая царица Прасковья Ѳеодоровна съ государынями царевнами въ этомъ губернаторскомъ домѣ поселились, и на другой день, 26-го апрѣля, домъ загорѣлся въ 10 часовъ утра. Очевидно, начали топить печи по приказанію вдовствующей царицы. Холодно ей показалось въ Петербургѣ послѣ тепленькой подмосковной; начали топить, трубы были неисправны.—домъ и загорѣлся. Тогда пришлось поселить ихъ на Финляндской сторонѣ—въ палатахъ и жили онѣ, очевидно, тамъ не такъ долго, потому что было неудобно. Но до деньщика эти свѣдѣнія не дошли, и онъ прямо говоритъ, что ему извѣстно, что вдовствующей царицѣ съ дочерьми построили на Васильевскомъ островѣ дворецъ, который по кончинѣ Петра былъ переданъ для академіи наукъ. Вотъ этотъ-то дворецъ предназначался прежде всего для вдовствующей царицы съ дочерьми, а потомъ и для другихъ членовъ царскаго семейства.

ЛЕКЦІЯ VI.

Обстоятельство приглашенія Петромъ въ Петербургъ своего семейства доставило ему много затрудненій. Куда ихъ помѣстить? вотъ вопросъ, который представился тогда Петру. Данныя о палатахъ на Финляндской сторонѣ свидѣтельствуютъ, что помѣщенія въ нихъ были неудовлетворительны. Сейчасъ-же построить отдѣльные дворцы для членовъ царской фамиліи представлялось также затруднительнымъ, но Петръ вышелъ изъ этаго затрудненія тѣмъ путемъ, что членовъ царской фамиліи размѣщалъ въ построенные уже казенные дома, которые потомъ постоянно и были занимаемы либо членами царской фамиліи, либо служащими при дворѣ. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ представляютъ большой интересъ, какъ въ техническомъ, такъ и въ чисто историческомъ отношеніи. Таковъ, напримѣръ, адмиральскій домъ, который заслуживаетъ большаго вниманія и который въ исторіи самаго Петербурга, можетъ быть, игралъ нѣкоторую роль по той причинѣ, что постройка его являлась грандіозной. Я думаю остановиться нѣсколько подробнѣе на этомъ адмиральскомъ домѣ, потому что онъ можетъ служить темой для занимающихся исторіей архитектуры,—темой, которая можетъ представить не мало интереса, потому что сохранилось въ актахъ много свѣдѣній объ этомъ дѣлѣ. Во первыхъ, сохранились юридическіе акты—контракты, и во вторыхъ, планъ, начертанный рукою знаменитаго Растрелли, по которому можно представить весь фасадъ этого зданія, такъ какъ сохранился планъ крыши и стропилъ. Все это представляетъ интересъ историческій въ томъ отношеніи, что сохранился и договоръ о передѣлкѣ крыши, цѣны и даже самый методъ постройки крыши который, можетъ быть, повліялъ на способъ устройства крышъ вообще въ Петербургѣ, — крышъ желѣзныхъ, которыя въ новѣйшее время имѣютъ огромное значеніе въ санитарномъ отношеніи. Очень можетъ быть, что изучая этотъ планъ придется открыть, что и до новѣйшаго времени архитектура въ этомъ отношеніи успѣховъ большихъ не сдѣ-

лала, хотя санитарныя требованія чрезвычайно расширились. Все это въ совокупности можетъ представить большой интересъ даже для отдѣльнаго изслѣдованія, и самое это изслѣдованіе могло-бы составить историческую статью и даже художественный этюдъ постройки Петербурга соединенный съ цѣлями экономическими.

Адмиралтейскій домъ повидимому тотъ, о которомъ описатель Петербурга 1710 г., коротко замѣчаетъ: «за постройкой того зимняго дворца нѣсколько далѣе стоялъ большой адмиралтейскій домъ, въ которомъ жилъ вице-адмиралъ Крейсъ или Крюсъ.» Здѣсь рождается вопросъ: зачѣмъ Петръ построилъ такой громадный домъ для вице-адмирала, когда даже генералъ-адмиралъ Апраксинъ жилъ въ своемъ домѣ. Правда, Крейсъ жилъ недолго въ этомъ домѣ, и онъ остался въ смыслѣ адмиральскаго дома. Разгадку, почему Петръ пожертвовалъ такія деньги на постройку этого дома, даетъ тотъ-же описатель Петербурга, изъ описанія котораго очевидно, что въ этомъ домѣ сосредоточены были квартиры всѣхъ иностранныхъ моряковъ, которые были приглашены Петромъ во флотъ. Такъ какъ извѣстно, что во флотѣ было много иностранцевъ, то можно думать, что этотъ домъ представлялъ какъ-бы колонію, потому что описатель останавливается на указаніи, что здѣсь была церковь нѣмецкая, или комната, въ которой пасторъ говорилъ проповѣди. Описатель говоритъ, что главнымъ образомъ: «это была квартира г. Корнеліуса Крейса, который занималъ обширный домъ, и у него во дворѣ находилась реформатская церковь», приходъ которой и состоялъ главнымъ образомъ изъ иноземцевъ, служащихъ во флотѣ, а слѣдовательно и другихъ нѣмцевъ, которые водворились въ Петербургѣ или временно пріѣзжали. Это было единственное мѣсто, куда стекались иностранцы для молитвы. Дальше описатель разсказываетъ о пасторахъ, которые тутъ дѣйствовали. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ объ одномъ пасторѣ, весьма просвѣщенномъ человѣкѣ, котораго очень любилъ Петръ. Но этой церкви Петръ колокола не далъ. Исторія колоколовъ и вообще церковнаго звона сама по себѣ любопытна въ исторіи допущенія церквей. Колокола признавались принадлежностью только господствующей церкви, и хотя это воззрѣніе было до нѣкоторой степени странно, но объяснялось борьбою между православной и другими церквами, въ которой принимало участіе правительство, и хотя Петръ самъ былъ безъ предразсудковъ, но все таки не далъ колокола этой реформатской церкви, потому что онъ желалъ поддерживать православіе. Тѣмъ не менѣе Петръ придумалъ, какимъ образомъ замѣнить колоколъ въ этой

церкви. Такъ какъ домъ выходилъ одной стороной на набережную Невы, а другой на лугъ, и дворъ касался набережной, то онъ предоставилъ церкви выставлять въ самомъ дворѣ, на углу вице-адмиральскій флагъ для обозначенія времени когда начинается богослуженіе. Описатель очень подробно останавливается на этомъ флагѣ и описываетъ, что на немъ изображенъ былъ голубой крестъ на бѣломъ полѣ и выкинутіе этого флага замѣняло колоколъ.

Московскій архивъ министерства юстиціи представляетъ любопытныя данныя объ этомъ адмиральскомъ домѣ. Составитель этого акта называетъ домъ этотъ—«бывшій адмиральскій домъ» и должно быть, именно о немъ сообщаетъ данныя, потому что домъ, который онъ описываетъ, также выходитъ одной стороной на набережную, а другой на лугъ. Тутъ можетъ быть смѣшеніе, потому что было два луга: одинъ, который отдѣлялъ нѣмецкую слободку отъ Лѣтняго сада, а другой назывался адмиральскимъ лугомъ, и въ этихъ актахъ о немъ даются хорошія свѣдѣнія, потому что при Аннѣ Ивановнѣ было Высочайшее опредѣленіе, какъ этимъ лугомъ распорядиться, чтобы по идеи Растрелли составить дороги паралельныя« перспективной дорогѣ». Чтобы составить среднюю перспективу и вознесенскую перспективу и составить ихъ такъ, чтобы потомъ пересѣчь линіями, Растрелли доказывалъ, что такимъ образомъ сообщеніе въ городѣ будетъ гораздо удобнѣе. Онъ совѣтовалъ лугъ этотъ совершенно видоизмѣнить и вынести все, что только мѣшаетъ воздуху и указывалъ, что тутъ можно разбить хорошій садъ. И вотъ эти акты говорятъ объ адмиральскомъ домѣ, что онъ одной стороной выходитъ на набережную, а другой на лугъ, но неизвѣстно, насколько онъ былъ великъ. Здѣсь-то возбудился вопросъ, что крыша и стропила сгнили и нужно приступить къ перестройкѣ. Перестройка въ адмиральскомъ домѣ поднялась при Аннѣ Ивановнѣ главнымъ образомъ потому поводу, что хотѣли устроить помѣщеніе для царской фамиліи въ среднемъ этажѣ. Сохранились акты 1734 г., относительно передѣлки этой крыши, которые представляютъ интересъ потому, что былъ заключенъ договоръ. Передѣлать крышу предложено было дворцовой конторѣ и заключить контрактъ съ мастеромъ иностранцемъ Іоганномъ Герингомъ 5 апрѣля 1734 г. Этотъ контрактъ интересенъ въ трояkомъ отношеніи: во-первыхъ, Герингъ взялъ на себя подрядъ всѣ матеріалы доставить и всѣ ихъ обработать, а въ то время чрезвычайно трудно было при казенныхъ постройкахъ найти такого подрядчика, который могъ бы все взять на себя. Во вторыхъ, въ этомъ контрактѣ представляются

любопытными цѣны и, наконецъ, въ третьихъ — уговоръ, который мастеръ Герингъ ставилъ въ этомъ контрактѣ. Онъ говоритъ, что согласенъ все это сдѣлать, но требуетъ помѣстить всѣхъ рабочихъ «хорошо въ казенныхъ зданiяхъ» иначе не подписываетъ контракта, и дворцовая контора должна была на это согласиться. Тутъ, можетъ быть, опять видна рука Растрелли, который, какъ просвѣщенный человѣкъ того времени и, какъ извѣстно, желавшiй создать себѣ европейскую репутацiю не только техника, который можетъ нарисовать какой нибудь фасадъ, но и администратора относительно построекъ. Вѣдь исторiя рабочаго вопроса такъ тѣсно связана съ исторiей архитектуры, что всѣ данныя относительно рабочихъ и обезпеченiя ихъ начинаются съ казенныхъ построекъ. Фактъ, что Герингъ требуетъ, чтобы всѣхъ рабочихъ, а главное плотниковъ и столяровъ помѣстить на время работы въ казенныхъ зданiяхъ—весьма интересенъ. Тутъ, не очевидно, руководитъ ли дѣломъ Растрелли, но извѣстно, что въ то время чрезвычайныя эпидемiи свирѣпствовали въ Петербургѣ и слѣдовательно иницiатива о хорошемъ помѣщенiи рабочихъ могла принадлежать только просвѣщенному администратору. Относительно массы рабочихъ, которые приходили, считалось обыкновеннымъ деньги отдать, а о самихъ рабочихъ можно и не заботиться. Изъ исторiи видно, что рабочiе умирали массами и нельзя не согласиться съ тою громадною цифрою рабочихъ, которые погибали только отъ того, что для нихъ не было крова. Авторъ свидѣтельствуетъ, что 40,000 рабочихъ людей погибло при постройкѣ крѣпости Петропавловской только отъ неустройства, негдѣ было помѣстить, потому что въ петербургскомъ климатѣ вырывать землянки — значитъ разводить эпидемiю, что и было доказано на дѣлѣ. Можетъ быть Растрелли указалъ подрядчику Герингу, чтобы всѣхъ рабочихъ помѣстить въ казенныя зданiя и когда придворная контора на это согласилась, то вотъ что съ своей стороны Герингъ обязался сдѣлать: старую крышу снять, снять всѣ стропила и всѣ желѣзные листы, изъ чего можно заключить, что это была уже вторая кровля, потому что при Петрѣ крыли черепицей, а не желѣзомъ. Далѣе въ контрактѣ сказано: разобрать въ верхнемъ этажѣ потолочные брусья и подбойку, накатать новые брусья, подбойку запрятать и подшить вновь цѣльными досками. Тутъ-же перечислены подробности всего устройства, какъ должны быть поставлены стропила и какъ укрѣплены, что представляетъ интересъ, какъ воззрѣнiе того времени, такъ какъ и до настоящаго времени въ архитектурѣ это вопросъ спор-

ный. Еще и теперь вопросъ: на какомъ разстояніи при такой-то высотѣ стропилъ должны лежать балки—архитектора математически точно не въ состояніи разрѣшить. Большею частію держутся рутиннаго метода—балки привыкли класть на два аршина. Здѣсь чрезвычайно интересно, какъ смотрѣлъ Растрелли на это обстоятельство. Далѣе изъ описанія видно, что крыша была съ переломомъ—и такъ какъ самый переломъ обезпечиваетъ фасадъ и красоту зданія, то здѣсь можно узнать воззрѣніе Растрелли на это дѣло. Кровля была длиною въ 36 сажень, брандмауэра очевидно нѣтъ, потому что зданіе отдѣльное; въ то время брандмауэры уже пошли въ ходъ, и хотя это вопросъ также спорный, но въ Германіи брандмауэры уже строились и Растрелли хорошо зналъ ихъ. Подрядчикъ договаривался сдѣлать въ этой крышѣ «овальныхъ, хорошихъ 30 оконъ». Всѣ матеріалы и всѣ работы составляли принадлежность подрядчика: «подрядчикъ Герингъ всѣ матеріалы долженъ самъ пріобрѣсти и всѣ работы долженъ справить и за все это получить 12.000 р.». Такъ какъ въ контрактѣ перечислено, сколько потребуется какого матеріала, то есть возможность опредѣлить цѣны того времени, сопоставивъ эти цѣны съ цѣнами при другихъ постройкахъ. Такъ какъ при постройкѣ, напримѣръ, одного дворца, оконная рама изъ собственнаго матеріала обходилась мастеру въ 60 к., то можно разсчесть эти 12.000 р. и узнать выгодно-ли былъ заключенъ этотъ договоръ. Теперь какже по этому договору выполненіе имѣть, и вотъ здѣсь мы встрѣчаемся съ юридической стороной дѣла, которая очень важна въ дѣлѣ архитектуры, потому что строится цѣлая масса зданій казенныхъ, государственныхъ и общественныхъ. Договоры даже въ новѣйшее время заключаются не всегда удовлетворительно и выгодно для казны. Если съ торговъ взять постройку, то является отдѣльное понятіе: какъ съ торговъ архитекторъ можетъ взять постройку какого-либо общественнаго зданія. Эта система представляется въ юридическомъ отношеніи весьма неудовлетворительной, потому что дешевая постройка съ торговъ никогда не представляется удовлетворительной. Понятіе самаго договора началось съ Петра I и началось съ военнаго вѣдомства. Растрелли былъ противъ торговъ и очевидно эта постройка происходила безъ торговъ. Тутъ даже не видно долженъ-ли подрядчикъ представить залогъ или нѣтъ; сказано, что подрядчикъ получаетъ изъ 12.000 р. половину, т. е. 6000 р. впередъ, и когда, справитъ на 6000 р., то Растрелли и строительнаго дѣла мастеръ *Вилимъ-Эхтъ* сдѣлаютъ осмотръ постройки и ежели увидятъ и под-

пишутъ, что на 6000 выданныхъ ему впередъ денегъ работа уже сдѣлана, то изъ 6000 другихъ ему можетъ быть выдана еще половина, а остальныя деньги онъ долженъ получить, когда всѣ работы сдастъ.

Изъ этого видно, что Растрелли хотя и заключилъ этотъ договоръ, но не хотѣлъ одинъ принимать эту постройку. Въ этомъ контрактѣ сохранился чертежъ руки Растрелли самой крыши и верхняго фасада этой крыши, чертежъ этотъ изданъ при сборникѣ «Внутренній бытъ Россіи», изданномъ московскимъ архивомъ министерства юстиціи. На основаніи этого чертежа можно составить чрезвычайно интересное чтеніе объ адмиральскомъ домѣ. Можно разсмотрѣть юридическую сторону контракта рядомъ съ технической стороной, что составляетъ большой интересъ въ дѣлѣ построекъ XVIII столѣтія. Потомъ разсмотрѣть въ техническомъ отношеніи самый складъ этой крыши и стропилъ и сопоставить съ данными и мудростью нынѣшняго времени, а потомъ поставить вопросъ: насколько этотъ методъ постройки вліялъ на постройку крышъ и другихъ зданій въ Петербургѣ. и когда этотъ методъ былъ замѣненъ другимъ, или, можетъ быть, онъ и теперь еще употребляется. Вотъ въ этомъ смыслѣ этотъ матеріалъ можетъ дать цѣлую массу изслѣдованій. Достаточно остановиться на этомъ контрактѣ и чертежѣ и сопоставить съ другими чертежами, чтобы получился цѣлый эпизодъ изъ исторіи построенія Петербурга. Когда городъ задумалъ получить исторію Петербурга ради своихъ чисто экономическихъ и спеціальныхъ цѣлей и своего городскаго управленія, то онъ убѣдился, что безъ точнаго историческаго изученія самаго распланированія города и взаимнаго положенія зданій нельзя получить исторіи Петербурга, а всѣ эти данныя находятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, тогда городъ обратился къ здѣшнему институту не возмется-ли онъ за эту работу.

Переговоры эти были въ прошломъ году и пріостановились потому, что институтъ объяснилъ, что онъ въ состояніи выполнить эту работу по мѣрѣ того, какъ у него явятся слушатели, заинтересованные этимъ дѣломъ, и если городъ отпуститъ нѣкоторую сумму на поѣздку въ Москву для изученія архивовъ. Подобный эпизодъ если разъяснится, то представитъ свою страничку въ исторіи Петербурга и затѣмъ вызовитъ интересъ въ томъ смыслѣ, что и представители города могутъ заинтересоваться методомъ какъ получить свою исторію, тѣмъ болѣе что работы по постройкѣ зданій

въ Петербургѣ отразились потомъ и внутри Россіи. Напримѣръ, когда стали перестраиваться московскіе дворцы, то стали смотрѣть какъ дѣлаютъ въ Петербургѣ и обратились къ Растрелли, такъ что тѣ начала, которыя онъ проводилъ въ Петербургѣ, тотъ же методъ своихъ стропилъ и крышъ, онъ примѣнилъ къ Москвѣ. Вотъ почему я остановился нѣсколько подробнѣе на адмиральскомъ домѣ. Теперь если перейти дальше къ разсмотрѣнію, то можно кромѣ крыши и этажи возстановить. Этотъ другой документъ, который также сохранился, есть донесеніе въ придворную контору. Когда принцеса Анна Леопольдовна сдѣлалась правительницей и переѣхала изъ адмиральскаго дома въ другой дворецъ, то приказано было донести ей въ какомъ положеніи адмиральскій домъ. Доноситъ объ этомъ придворный служитель Долговъ. Въ придворную контору представляется отчетъ въ какомъ положеніи адмиральскій домъ и кто въ немъ живетъ.

Оказывается, что въ нижнемъ этажѣ жили фрейлины, были дежурныя камергерскія комнаты и квартира статсъ-дамы Юшковой; а въ среднемъ этажѣ покои Анны Леопольдовны. Когда она тутъ жила то, очевидно, домъ перестроили и крыши покрыли, чтобы ей съ сыномъ отвести хорошее помѣщеніе. Анна Леопольдовна въ среднемъ этажѣ занимала немного комнатъ, всего пять или много шесть комнатъ. Были постельная, уборная и другія ея комнаты, а всего пять печей и одинъ каминъ, а рядомъ съ нею были покои нынѣ уже императорскаго величества Іоана Антоновича, а въ нихъ три печки и одинъ каминъ. Въ верхнемъ этажѣ жили кормилицы, постельницы и старухи; была дежурная комната генералъ-адъютантовъ, конфектная, рекетмейстерская, помѣщался докторъ, биліардная и мыльная. Когда Анна Леопольдовна сдѣлалась правительницей и переѣхала въ Зимній дворецъ, то сохранились данныя какъ сдѣлать убранство ея комнатъ. Представляли разные планы, но они ей не нравились. Послѣ скромности въ адмиральскомъ домѣ Анна Леопольдовна съ чрезвычайною роскошью убрала свои комнаты въ зимнемъ дворцѣ; дорого стоили балдахины на кровать изъ желтаго атласа и штофа, различные столики и т. п. однимъ словомъ роскошь была чрезвычайная.

Скромное помѣщеніе въ адмиральскомъ домѣ несчастнаго царевича Іоана Антоновича представляетъ всетаки счастливѣйшія минуты его жизни, сравнительно съ тѣмъ что съ нимъ было въ послѣдствіи и это сообщаетъ историческій интересъ адмиральскому дому. Весь адмиральскій домъ заслуживаетъ описанія, потому что

по внутреннему расположенію онъ можетъ быть вполнѣ возстановленъ. Нѣтъ только указаній гдѣ были лѣстницы и подъѣзды, но тутъ можно дополнить фантазіей, потому что все существенное сохранилось.

Кромѣ этихъ казенныхъ домовъ есть еще цѣлый рядъ домовъ или дворцовъ, которые Петръ отвелъ для своего семейства. Такъ для сестры своей Натальи Алексѣевны онъ построилъ особый дворецъ или домъ на рѣкѣ Невѣ за литейнымъ дворомъ. Домъ этотъ самъ по себѣ интересенъ, такъ какъ онъ входитъ потомъ въ исторію нашего призрѣнія бѣдныхъ, потому что былъ обращенъ въ богадѣльню. Домъ этотъ былъ, очевидно, каменный, что можно заключить изъ того, что переправлялись потомъ «верхнія палаты каменныя», въ два этажа и крыша была гонтовая. Интересно, что въ 1734 г. былъ возбужденъ вопросъ о постройкѣ этого дома, а уже въ 1740 г. перестраивали его крышу изъ чего можно заключить, что крыша была плохо устроена. Сохранились любопытныя данныя относительно цѣны и порядка передѣлки этой крыши. Акты 1740 года въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи свидѣтельствуютъ, что послѣ долгой переписки разрѣшили крышу сломать и сдѣлать новую подъ черепицу. Была прежде гонтовая крыша и можетъ быть изъ деревяннаго гонта или изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были употребляемы въ Голландіи—родъ плиты и при Петрѣ на первое время такія крыши установились. Вопросъ черепичныхъ крышъ интересенъ въ архитектурномъ отношеніи того времени и само законодательство то поддерживаетъ черепичные заводы, то воспрещаетъ ихъ. Черепица въ дѣлѣ пожарномъ болѣе обезпечиваетъ чѣмъ желѣзная крыша, но черепичныя крыши были опасны для жизни людей, вѣтеръ легко сваливаетъ черепицу и она можетъ убить какъ людей такъ и скотъ.

Вопросъ о черепичныхъ крышахъ занимаетъ и теперь наши земскія собранія относительно того нельзя ли ввести черепичныя крыши въ постройки крестьянъ, такъ какъ деревянныя и соломенныя крыши, хотя и пропитанныя глиной, не представляютъ никакого обезпеченія противъ пожара, а черепичныя гораздо огнеупорнѣе и дешевлѣ желѣзныхъ крышъ и такимъ образомъ представятъ обезпеченіе за сохраненіе народнаго имущества въ смыслѣ преміи. При взаимномъ страхованіи, при черепичныхъ крышахъ платится меньшій o/o преміи и этимъ путемъ можно сохранить миліоны, а потому многія земскія собранія заняты этимъ вопросомъ, но со стороны архитекторовъ рѣшительныхъ отвѣтовъ не послѣдовало, такъ какъ

чрезвычайно трудно сообразить что будетъ стоить квадратная сажень, на сколько лѣтъ она станетъ и какъ устроить стропила, для того чтобы эти крыши не составляли опасности для самаго зданія.

Петръ любилъ черепичныя крыши и ставилъ казенные заводы. На Невѣ стоялъ казенный черепичный заводъ, гдѣ выдѣлывали черепицу меньшаго размѣра чѣмъ въ новѣйшее время выдѣлываютъ за границей и въ Россіи. Этотъ заводъ выдѣлывалъ черепицу такъ замѣчательно, что и до настоящаго время сохранились образцы черепицы сдѣланной на этомъ заводѣ.

Когда въ 1740 г. стали передѣлывать дворецъ Наталіи Алексѣевны, то рѣшено было покрыть крышу черепицей. Сохранилась переписка по этому предмету изъ интендантской конторы въ канцелярію о строеніи. Интендантская контора пишетъ: «мы рѣшились этотъ дворецъ покрыть и поэтому за нашъ счетъ не можетъ ли канцелярія о строеніи для перекрыши палатъ Наталіи Алексяевны отпустить черепицу». Вотъ отвѣтъ канцеляріи о строеніи, который интересенъ въ смыслѣ цѣнъ на черепицу, такъ какъ на покрышку палатъ просятъ 20,000 штукъ черепицы, а на квадратную саж. идетъ 75 шт. въ настоящее время, то можно видѣть сколько пошло черепицы. Канцелярія отвѣчаетъ, что она можетъ въ кредитъ отпустить эту черепицу «съ своего мастерскаго двора», значитъ съ самаго завода черепицу, которая на мастерской дворъ доставлена и отпуститъ по подрядной цѣнѣ: именно по 5 р. 75 к. за 1000. Эта цифра весьма любопытна: цѣны на черепицу въ настоящее время на заводахъ, которые имѣются въ разныхъ мѣстахъ Россіи отъ 40—70 р. за 1000; 75 р. наибольшая цѣна, а средняя цѣна будетъ 50 р., но размѣръ нынѣшней черепицы гораздо больше чѣмъ при Петрѣ.

Въ домѣ Наталіи Алексѣевны, какъ видно изъ донесенія комисара, который завѣдывалъ этимъ домомъ находилось 14 деревянныхъ покоевъ, гдѣ живутъ служителя, мастеровые и солдаты вѣдомства интендантской конторы и кромѣ того имѣется богадѣльня для придворныхъ служителей. Это очень любопытное указаніе, потому что вопросъ призрѣнія бѣдныхъ придворнаго вѣдомства до новѣйшаго времени, послѣ того какъ придворные служители освобождены отъ крѣпостной зависимости, чрезвычайно интересенъ. Вотъ въ этой богадѣльнѣ, гдѣ прежде были палаты царевны Наталіи Алексѣевны потребовалось сдѣлать передѣлки и заключенъ былъ договоръ съ крестьяниномъ Михайловымъ:—«сдѣлать 50 окошекъ или же болѣе, гдѣ будетъ приказано; сдѣлать оконныя рамы съ переплетомъ въ каждое окно по 4 рамы». Очевидно это выра-

раженіе не точно надо было сдѣлать въ каждое окно одну раму, имѣющую четыре стекла. Далѣе въ договорѣ говорится: «а гдѣ не имѣется перекрестья—вновь сдѣлать». Договоръ былъ заключенъ сдѣлать все это изъ своего собственнаго лѣса, но по чертежу столярнаго мастера Фуціуса, очевидно это опять иноземецъ, который распоряжается столярными работами по усмотрѣнію Растрелли. Мастеръ долженъ сдѣлать чертежъ а подрядчикъ Михайловъ берется сдѣлать изъ своего собственнаго лѣса съ каждаго окна по 60 к. Если помножить эти 60 к. на 10, то получится 6 р., потому что значеніе 60 к. того времени сравнительно съ нынѣшнимъ равнялось 6 р. Такъ что оказывается съ каждой рамы изъ своего лѣса подрядчикъ беретъ 6 р. эта цифра можетъ показаться довольно большой, но мы не знаемъ какой былъ рисунокъ рамъ и какія вообще эти рамы.

При этомъ же домѣ была построена церковь Воскресенія Христова; но изъ акта не извѣстно, гдѣ она была построена и при церкви находилась колокольня на четырехъ столбахъ, которую также потребовалось поправить. «Стояла колокольня на четырехъ столбахъ, высотою въ пять сажень»; ее нужно было покрыть гонтомъ и для этого заключенъ договоръ, гдѣ цѣны чрезвычайно дешевыя. Подрядчикъ согласился: «покрыть гонтомъ эту колокольню да кромѣ того сдѣлать при церкви новое крыльцо, что отъ рѣки Невы, да три двери поставить въ трехъ богадѣльныхъ палатахъ» и все это сдѣлать изъ казенныхъ матеріаловъ подрядчикъ согласился за 11 руб.—цифра, которую также можно разсмотрѣть дорого или нѣтъ. Одинадцать руб. будутъ соотвѣтствовать 110 р. нынѣшнимъ, но вѣдь и работа большая: построить новое крыльцо въ церкви, покрыть гонтомъ колокольню и потомъ сдѣлать три двери въ трехъ богадѣльныхъ палатахъ.

Кромѣ дворца Натальи Алексѣевны были еще дворцы или дворы. Такъ извѣстный дворъ несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, о которомъ свѣдѣнія имѣются различныя. Есть свѣдѣнія изъ дѣлъ тайнаго приказа и изъ дѣла подъячаго Докукина, который часто посѣщалъ палаты царевича Алексѣя Петровича. Изъ этого дѣла о подъячемъ Докукинѣ есть часть въ канцеляріи тайнаго приказа, гдѣ онъ давалъ свои показанія и между прочимъ имѣются указанія на палаты царевича Алексѣя Петровича, хотя въ актахъ есть указаніе, что послѣ кончины царевича Алексѣя Петровича дворъ его прямо обращенъ былъ «въ праздную кузницу»

какъ ее тогда называли и въ ней никто не жилъ, но въ дѣлѣ подъячаго Докукина есть свѣдѣніе и описаніе этого двора.

Кромѣ двора Алексѣя Петровича были дворцы Елизаветы Петровны. Эти дворцы или дома, о которыхъ сохранились данныя, мы разсмотримъ въ слѣдующій разъ.

